

Дмитрий Львович Казаков

Удар молнии

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153747
Удар молнии: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-46680-1

Аннотация

Трудно позавидовать человеку, потерявшему абсолютно всякую память о собственном прошлом. И этот человек, не помнящий даже своего имени, вдруг обнаруживает себя с пистолетом в руке, среди трупов. Чьи это трупы? Врагов?

Как оказалось, это не последние враги. Лишенному памяти мужчине приходится скрываться от преследования, перелетая с планеты на планету, – и везде его пытаются убить. И даже когда приходит понимание того, в чем тут дело, легче отнюдь не становится. Наоборот. Устройство «Молния» не должно попасть в руки тех, кто столь настойчиво за ним охотится.

Похитителю «Молнии» удастся выйти живым из множества переделок, но путь его неумолимо ведет к пропасти. Точнее, к жерлу вулкана...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Дмитрий Казаков

Удар молнии

Глава 1

Открыв глаза, я обнаружил, что стою.

В руке я держал пистолет, а вокруг, на залитом кровью полу, валялись трупы.

Их было не очень много – пять, три человеческих, один принадлежал хоррандцу – невысокой, но очень массивной рептилии, а пятый – негуманоиду неизвестной мне расы.

Опознание затрудняло то, что у негуманоида выстрелом был разворочен череп.

В голове у меня царила пустота, мозги, по первому ощущению, пребывали на месте, но то, что называют памятью, отсутствовало напрочь. Вместо прошлого зияла большая черная дыра.

Я даже не помнил, как прикончил этих парней или как тут оказался.

Взгляд на рожи убитых заставил меня отбросить в сторону угрызения совести – рожи были из тех, к которым очень идет полосатая роба с номером на спине.

Но все равно я чувствовал себя как-то неловко – укокошить пятерых и забыть об этом?

В том, что убил их именно я, сомнений не оставалось – пистолет в руке был еще горячим, на рукоятке нервно моргал огонечек, говоривший, что от активной стрельбы аккумулятор готов разрядиться.

Руки действовали сами – одно ловкое движение, и оружие спряталось в кобуру под мышкой.

Ого, да я умею с ним обращаться! Это кто же я такой?

Голова при попытке вспомнить отозвалась вспышкой боли. Пришлось этот вопрос отложить и озаботиться другим – где я? Помещение, где находилось мое брентное тело в компании полудесятка трупов, напоминало заброшенный склад – скудное освещение, какие-то коробки и ящики, покрытые пылью.

Более ничего из этого невеселого места видно не было.

Оглядевшись, я переключился на трупы. Судя по наглым рожам и зажатому в руках (и лапах) оружию, при жизни эти типы зарабатывали отнюдь не честным трудом. Что же довело меня до общения с такими плохими парнями? Ведь на полу мог запросто оказаться я сам!

Эта мысль заставила мою спину покрыться мурашками. Но дрожь не помешала удивиться при виде странной штуковины, зажатой в длинной лохматой конечности неопознанного негуманоида.

К рукоятке стандартного армейского излучателя крепилось что-то непонятное, снабженное множеством сенсоров, маленьким экраном и сеточкой, похожей на уменьшенную копию древнего локатора. Больше всего это напоминало воплощенный бред сумасшедшего изобретателя.

Выдернув диковинный агрегат из мертвых пальцев, я собрался повнимательнее его изучить, но тут краем уха уловил донесшийся издали вой сирен. Этот звук вызвал у меня исключительно острое желание оказаться подальше.

Разбираться с полицией, имея рядом полдесяток трупов, вовсе не входило в мои планы. Пусть даже я ничего не помнил об этих планах, но был твердо уверен, что пункта «Общение со стражами порядка» там нет.

Сунув находку в карман, я поспешил к выходу.

Обнаруженное за стенами склада так же мало порадовало мое сердце, как блюдо из свинины – ревностного последователя ислама. Низко нависало серое небо, вокруг теснились громадные коробки складов.

Подобный пейзаж вызовет депрессию даже у новобрачных.

Около склада, в котором недавно состоялась потеря памяти с летальным исходом, стояли две машины. Вернее, стояла одна, легкий кар цвета спелой малины, из тех, что можно взять напрокат на любой планете Федерации.

Вторая – шестидверный микроавтобус – лежала на боку. Медведеподобный тип на водительском месте выглядел удивленным, а изумление его вызвала, скорее всего, большая дырка во лбу.

Похоже было, что тут тоже постарался я. Подстрелил водилу, после чего его приятели попробовали скрыться на одном из складов. Помогло это им так же, как утопающему слону – спасательный жилет.

В душе зародилось нехорошее подозрение, что я тоже зарабатываю на жизнь нечестным трудом.

Если не считать таковым убийства.

Звучавшие все ближе сирены побуждали действовать, и я двинулся к кару. Но мысль о том, что к складу ведет одна-единственная дорога и что именно по ней прикатят стражи порядка, заставила меня остановиться.

Вот дьявол! Похоже, придется поработать ногами!

Развернувшись, я ринулся в проход между складами. Там было грязно, воняло нефтью, но зато никто не приставал с криками: «Стоять! Оружие на землю!» или «Вы имеете право сохранять молчание!»

Сирены смолкли, стражи порядка добрались до склада. Интересно, как они узнали о перестрелке? До ближайшего жилья, судя по всему, не один километр, и слышать выстрелы никто не мог...

Но вопрос этот был чисто теоретическим, его быстро отодвинули в сторону другие, более практические. Погони пока не было, и это значило, что мою скромную персону не заметили.

Это было хорошо.

Но надеяться на то, что местные полицейские решат, будто громилы сами поубивали друг друга, особо не стоило. Стражи порядка иногда соображают неплохо и могут захотеть перекрыть весь район убийства.

Вдруг в сети попадется какая-нибудь вкусная рыбка?

Я попадаться не собирался и поэтому ускорил бег. Минут через пять запыхался, но к этому времени выскочил из прохода между складами. Впереди, за речушкой, вяло журчавшей меж топких берегов, виднелся город. Передний план состоял из хибарок, дальше расположились уходившие в облака колонны небоскребов.

Типичный для одной из колоний Федерации город.

Вот только какой это город и какая колония, вспомнить я не мог. Память, в отличие от тела, подчиняться отказывалась.

Перебравшись через речушку по мостику, настолько шаткому, словно его строили для невесомых эльфов, я огляделся. В трущобах можно было бы скрыться, будь я одет в лохмотья и грязен, как шахтер, в своем же костюме я смотрелся бы там как алмаз в гряде навоза.

Меня бы сдали полиции сами местные жители.

Со стороны города послышался неприятный рокот – оттуда приближался вертолет. Рассчитывать на то, что кто-то решил полетать, чтобы насладиться видами, мне, скорее всего, не стоило.

Труба коллектора, из которой в речушку неторопливо стекал ручеек густой грязи, оказалась в этот момент очень кстати. Ей я обрадовался больше, чем бутылке хорошего коньяка.

На смрад я не обратил внимания. Когда спасаешь шкуру, куда-то исчезают такие вещи, как разборчивость и брезгливость...

В зловонную полутьму я проскочил до того момента, когда рубившая воздух винтами машина оказалась в зоне видимости. Рокот пронесся над головой и удалился. Вздых, яростно вырвавшийся из моей груди, почти на сто процентов состоял из облегчения.

Вытерев со лба честный трудовой пот, я вытащил из кобуры пистолет и активировал его. Обнаружив, что вокруг темно, хитрое оружие включило подсветку. Слабый, к тому же гаснущий конус света упал на жирно блестящую стенку коллектора.

Аккумулятор скоро даст дуба, но уж лучше такой свет, чем никакого.

А уйти нужно как можно глубже, чтобы у стражей порядка, которые скоро наткнутся на вонючую трубу и захотят ее осмотреть, не появилось возможности меня найти. А ближе к ночи можно будет и выбраться.

Я неспешно шел вперед. Под ногами хлюпало, ботинки и брюки быстро промокли. Но остановился я, только когда аккумулятор пистолета сказал трагическое «пиип» и погиб, оставив меня в темноте.

Теперь оружие можно было использовать только в качестве дубинки.

Идти дальше на ощупь я не решился. Осталось надеяться на то, что местные копы в достаточной степени ленивы и брезгливы, а лазание по вонючим коллекторам не входит в число их любимых развлечений.

Прислушавшись, я не обнаружил признаков того, что кто-то приближается, и занялся наиболее важной на данный момент проблемой – определением того, кто я такой. Поскольку память взяла незапланированный отпуск, я решил обыскать себя. Обычно по тому, что носит с собой человек, можно довольно уверенно определить, что он собой представляет.

Один пистолет навел на довольно интересные мысли.

Сложность была только в царившей вокруг темноте. Задумавшись над этой проблемой, я огладил подбородок, и на запястье что-то сдвинулось.

Ого! Универсатор!

Активировался он обычным способом – прикосновением указательного пальца. Небольшой экран засветился голубым, вспыхнула заставка: «Привет, босс!» – ну а потом всплыло меню.

Небольшой прибор, напоминавший на вид растолстевшие часы, объединял в себе множество всяких полезных приспособлений, от диктофона и средства связи до органайзера и записной книжки. В пределах Федерации с подобными штуками ходили почти все. Мой был самый обычный, из дешевой серии.

Пообщавшись с универсатором пять минут, я обнаружил, что, во-первых, память его пуста – никакой информации, проливающей свет на мою личность, там нет, а во-вторых, сеть связи, к которой я подключен, на той планете, где я нахожусь, не работает.

Занятно. Либо я купил универсатор только что и не успел заполнить его той шелухой, которую нормальный человек считает жизненно важной информацией – номерами друзей и знакомых, напоминаниями о делах и днях рождения, рабочими планами...

Либо при моей профессии хранить информацию в универсаторе опасно.

Считать данные с прибора, надетого на руку идущего по улице человека, проще простого, поэтому конфиденциальную информацию этим удобным и недорогим приборам никогда не доверяют.

В моем случае, похоже, вся информация являлась конфиденциальной.

Переведя универсатор в режим фонарика, я принялся осматривать себя. Отвернув ворот костюма, обнаружил под ним ряд квадратиков, украшенных простыми символами – бегущий человек, человек с бокалом в руке, танцующий человек, кровать...

Ага, понятно! Костюм-трансформер. Сейчас он выглядел как обыкновенная двойка из темно-серой ткани, но стоило активировать один из сенсоров, как через несколько минут я, не переодеваясь, был бы готов для пробежки, светской вечеринки или крепкого сна.

Очень удобная вещь, и не такая дешевая.

Пока я включил режим экстренной сушки – не хотелось ходить в сырых брюках – и продолжил осмотр. Большая часть карманов зияла пустотой, лишь во внутреннем рука наткнулась на нетолстую пачку прямоугольных предметов.

Смирив трепет сердца, я вытащил их на свет.

Сверху оказалась идентификационная карточка. Судорожно сглотнув, я приложил к ней указательный палец. Карточка кочевряжиться не стала, на ее поверхности обозначилось имя «Александр Мак-Нил».

Судя по всему, мое.

Имя не вызвало никаких эмоций, словно принадлежало другому, неизвестному мне человеку. Я слегка напряг память, пытаюсь хотя бы с помощью имени вытрясти что-нибудь из ее пустого чрева, но заработал только очередную вспышку головной боли.

Поморщившись, я ознакомился с собственной биографией, насколько карточка ее отражала. Пол мужской – ну это ясно, родился на Земле, в административном районе Глазго, двадцатого мая две тысячи пятьсот седьмого года...

Так... я взглянул на универсатор... абсолютный возраст тридцать два года шесть месяцев и восемь дней... Ого, да я мужчина в полном расцвете сил!

Я поздравил себя с этим, после чего проверил состояние собственного счета.

Поздравлять пришлось еще раз. На счете уютненько лежали двадцать восемь тысяч федеральных денежных единиц, именуемых в просторечии «федями». На подобные деньги можно жить на Земле, не особенно себя ограничивая, несколько лет. А уж в колонии среднего пошиба – лет двадцать...

Как жаль, что на эти деньги нельзя купить память!

Больше ничего карточка мне сообщить не могла. Сунув ее в карман, я наскоро оглядел разрешение на ношение оружия, выданное тоже на Земле, и с некоторым удивлением установился на два билета транспортной компании «Универсум Лайн».

Один, погашенный, был на рейс Новая Америка – Земекис, другой, нетронутый, – на обратный.

Интересно, что память, подводящая при попытках вспомнить что-либо, относящееся к моей личности, сохранила все, касавшееся таких абстрактных понятий, как «аккумулятор», «универсатор» или соотношение цен в метрополии и колониях.

Не подвела она и в этом случае.

Земекис – ничем не примечательная планета Смешанного сектора, на которой обитают представители полутора десятков рас, сам же сектор – заброшенная окраина Галактики, не интересная ни одной из могучих звездных цивилизаций. Осваивался он стихийно, всеми кому не лень, а о такой вещи, как закон, здесь слышали давно и только краем уха.

И зачем меня занесло в эту клоаку Галактики?

Переведя универсатор на местное летоисчисление, я определил, что прибыл сюда два дня назад, а до обратного рейса осталось еще шесть. Да уж, звездолеты в Смешанный сектор летают не так часто, а стоит билет немало.

Моей пустой голове было над чем поразмыслить.

Последним предметом, приковавшим мое внимание, оказалась визитка – пластиковый прямоугольник, оформленный по-деловому лаконично: «Титус Фробениус, профессор», адрес и телефон...

Хмм... неужели я летел на Зеmekис ради встречи с этим типом? Тогда он должен знать, кто я такой. Ничто не мешает мне нанести ему визит. Попозже, через несколько часов, когда активность правоохранительных типов в окрестностях немного утихнет.

Запихнув добычу назад в карман, я выключил фонарик и принялся ждать.

* * *

В ночной темноте пейзаж Зеmekиса не стал привлекательнее. Небо выглядело тусклым, сквозь облака просвечивали редкие звезды. Во мраке булькала река, ее голос успешно соревновался с моим воющим от голода желудком.

Почти тридцать тысяч федей – отличная штука, но не в канализационной трубе. Там идентификационную карточку можно сунуть в одно-единственное место, и еды от этого не прибавится.

Оглядевшись, я не обнаружил опасности и зашагал к городу. Первым делом нужно было пробраться через окраины живым, здоровым и столь же богатым, как и ранее.

Пройдя сотню шагов, я оказался среди жилищ, напоминавших остатки конкурса безумных строителей. В ход тут пошло все, от обшивки звездолетов до пластиковых ящиков и кусков полотна. Под ногами хрустело что-то неаппетитное, а запах, исходивший от груд мусора, заставлял с ностальгией вспомнить о коллекторе.

Здесь кипела жизнь, столь же вонючая и яростная, как в какой-нибудь грязной канаве, откуда несколько миллиардов лет назад произошло все живое на Земле. Из жилищ (назвать их домами не поворачивался язык) доносились вопли, смех и ругань.

– А ну стой! – сказала, выступив из мрака, широкоплечая фигура.

Язык на Зеmekисе не очень отличается от принятого в Федерации интерлинга.

– Стою, – ответил я, продолжая шагать.

За спиной послышался неприятный шорох, краем глаза я заметил движение. Остановиться было бы величайшей глупостью. Вряд ли обитатели трущоб собирались обсудить со мной проблему тепловой смерти Вселенной...

Мелькнула мысль вытащить пистолет, но я ее отбросил: то, что его аккумулятор разряжен, видно издалека, и надо мной только посмеются.

– Эй! – Широкоплечего возмутила моя необязательность. – Ты что... ыххх...

Удар ногой в пах оборвал его возмущение. Заговоривший первым тип брякнулся на колени и выбыл из игры. Но из тьмы на меня бросились его дружки. Рассудок мой взвизгнул и дал деру.

В дело пришлось вступить телу.

И оно показало себя с лучшей стороны. В первый момент я получил по плечу обломком трубы, а увесистый кулак въехал мне в живот, заставив порадоваться, что там пусто. Но затем драка превратилась в кучу малу, в которой нападавшие больше мешали друг другу, и я смог достойно ответить.

Потасовка сопровождалась звуковыми эффектами:

– Эх, твою мать...

– Псссс...

– Ой! Ух! Куда?

– Уууу...

Вопли периодически прерывались шлепками падающих тел. Спустя пять минут я обнаружил, что стою над поверженными врагами. Один из них стонал, прочие находились

без сознания. У меня болели отбитые о физиономии грабителей кулаки, дергало плечо, а принявшее на себя один из ударов ухо казалось большим и горячим, как свежее испеченный блин.

– Вот так, – сказал я, чтобы скрыть болезненное кряхтение. – С незнакомыми людьми лучше разговаривать вежливо.

Тьма уважительно промолчала. Там приняли к сведению не столько мои слова, сколько то, как быстро и ловко я разобрался с четырьмя громилами. Набитая морда впечатляет куда больше самых лучших речей.

Похрустев суставами, я продолжил путь.

Непонятным образом известие о случившейся драке опережало меня. Дорожки между лачугами, называемые улицами, при моем появлении затихали и пустели. Единственными живыми существами, которых я видел, были копошившиеся в отбросах черные маленькие рептилии – местный заменитель крыс.

Спину буравили неприязненные взгляды.

Когда вместо вытоптанной земли под ногами оказался асфальт, я ощутил себя куда увереннее, а первому уличному фонарю обрадовался как родному брату. Умение драться – это хорошо, но оно ничем не поможет в том случае, если на меня не пожалеют выстрела.

К счастью, обитатели трущоб Земекиса оказались экономными.

Киоск, торгующий всякой снедью, показался мне настоящим раем. Избавив себя от голода с помощью пары хот-догов, я зашагал бодрее и вскоре добрался до настоящей стоянки такси. Несколько одинаковых желтых каров стояли в ряд, на крышах светились зеленые огоньки.

– Эй, шеф! – Я предельно любезно постучал в тонированное и явно бронированное стекло сбоку от места водителя.

– Куд едм? – Стекло опустилось, открыв физиономию гуманоидную, но настолько лохматую, что на первый взгляд ее обладатель походил на странного плоскомордого пса.

А еще он глотал некоторые звуки, словно питался ими.

– Ближайшая гостиница, где нет клопов и кормят круглосуточно. – Я был далек от того, чтобы отправиться к профессору с ночным визитом. Такому он вряд ли обрадуется, даже если приходится мне другом или родственником.

– Чем платш?

– Федями, – ответил я, и дверь для пассажиров распахнулась передо мной словно по волшебству. Федеральные денежные единицы принимаются в Смешанном секторе очень охотно, даже лучше, чем зелаврианские кнатры или осторские сотни. Зелавр и Остор далеко, а Федерация – вот она, под боком...

– Будешь долго возить вокруг да около – пришибу! – пообещал я, залезая в салон.

Моя разбитая рожа убедила таксиста, что с ним не шутят, но навела на некоторые подозрения.

– Здтк впрд! – буркнул он мрачно.

– Чего? – не понял я.

– Здток вперд! – повторил лохматый. – Плти зарнее!

Поглядев на свою побитую рожу, я бы не то что задаток потребовал, я бы подобного типа вообще к себе в машину не пустил. Но, судя по уверенности лохматого водителя, у него для несговорчивых или жадных клиентов имелся в запасе какой-то трюк.

Вроде баллончика с нервно-паралитическим газом.

– Сколько?

– Дсть федей, – название денежных единиц обитатель Земекиса выговаривал нормально.

Я заскрипел зубами, но смолчал. Момент был не тот, чтобы торговаться. Пришлось извлекать карточку и совать ее в щель считывающего устройства. Бесконтактных сканеров в Смешанном секторе отродясь не водилось.

Воодушевленный обещанием мордобоя и заранее внесенной платой, таксист не стал возить меня по ночному городу. Спустя пятнадцать минут мы остановились около здания, больше напоминавшего огромный сарай, чем отель.

– Это гостиница? – на всякий случай уточнил я.

– Да, – кивнул лохматый. – Или жлте дргую?

– Ладно, сойдет. – Спать хотелось все сильнее, и я решил рискнуть.

Ночной администратор, оглянувшийся на стук двери, выпучил глаза, а дремавший рядом охранник в форме цвета незабудки схватился за кобуру. Вид у меня, наверное, был впечатляющий.

Не обращая внимания на их реакцию, я уверенно затопал к стойке.

– Мы же заплатили в этом месяце, – жалобным голосом сказал администратор, абсолютно лысый негр.

Надо же – принять меня, интеллигента и добряка, за рэкетира!

– Мне нужен номер, – сказал я, вытаскивая из кармана карточку. – И где у вас можно поесть?

– Можете заказать к себе. – На черном, как вакса, лице отразилось такое облегчение, словно администратор распрощался с неделю мучившей его зубной болью. – Прошу вашу карточку, господин... Мак-Нил...

Через пятнадцать минут я стал обладателем уютного номера со стереовизором, душевой кабиной и, что было особенно ценно, – громадной кроватью, способной приютить групповую оргию с участием представителей и представительниц всех народов Галактики.

Избавившись от одежды и обуви, я прошел в душ.

Вид в зеркале вызвал у меня законное любопытство. Одной из вещей, которую я забыл, оказалось то, как я выгляжу.

Я жадно вгляделся в себя.

И не нашел никаких особых примет. Русые волосы, подстриженные ежиком, темные глаза, кожа светлая, но не особенно. Из растительности на лице – лишь брови и двухдневная щетина.

Не симпатяга, но и не урод.

Переведя взгляд на тело, я пришел к заключению, что неплохо о нем заботился. Жировая прослойка оказалась минимальной, а везде, где надо, находились довольно тугие мускулы.

– М-да? И кто же вы такой, господин Мак-Нил? – спросил я сам себя. – Ловко обращаетесь с пистолетом, умело деретесь, и денег у вас куры не клюют...

Отражение ничего не ответило.

Показав ему язык, я полез в душ. Ничего, найду ответ и без посторонней помощи.

* * *

– Приехали! Давай плати! – Этот таксист походил на коллегу, везшего меня ночью, одной-единственной чертой – жадностью. Высокий и тощий ургрелец, он глядел на пассажира, как богомол на бабочку.

Расплатившись, я выбрался из кара. Зарокотав мотором, тот развернулся и умчался с такой скоростью, словно таксист решил, что привез меня в район, населенный сексуально озабоченными извращенцами.

Хотя пока ни одного извращенца видно не было.

Я стоял на обочине, а дальше на восток простирались невысокие холмы, застроенные небольшими особняками. Типичный спальный район для людей с неплохим, по местным меркам, достатком.

Проснувшись утром, я обнаружил, что вчерашние приключения не прошли даром: натруженные мускулы болели, ушибленное ухо неприятно дергало. Первым делом я напряг мозги в робкой надежде, что живительный сон пошел на пользу памяти и та стала более щедрой. Но, увы, информации в башке не прибавилось.

Проглотив завтрак, мало чем отличавшийся от вчерашнего ужина, я потребовал у администратора карту города и принялся ее изучать. По карте удалось выяснить, что я нахожусь в планетарной столице, названной Бураков-сити, должно быть, в честь кого-то из первых колонистов.

Трудно придумать более дурацкое название.

Абрикосовая улица, приютившая профессора Фробениуса, на карте нашлась, причем не так далеко. До района Белых Холмов, к которому она принадлежала, мне пришлось ехать на такси, и заняло это минут десять.

Таксисту я точного адреса не назвал, так что он высадил меня за несколько кварталов до цели. Чутье подсказывало, что чем меньше разумных существ будет знать о том, куда я направляюсь, тем лучше.

Оглядевшись, я зашагал в нужном направлении. Еще во время изучения карты я выяснил, что на Белых Холмах не заблудится и ребенок. Планировка улиц тут была самая простая – в виде решетки, а названия им давал человек либо очень эстетичный, либо помешанный на садоводстве.

С Виноградской улицы я перешел на Липовую, пересек Грушевую и оказался на Абрикосовой. За декоративными оградками шелестели листьями деревья. Плодов на них, вопреки названиям, не было. Ветер нес запах сырой листвы.

Я миновал особняк, ворота которого охранялись высеченными из мрамора львами, и... едва не споткнулся на ровном месте: у ворот следующего, нужного мне, скучал коренастый тип в полицейской форме.

А за его спиной, прерываясь только у ворот, переливался лимонным сиянием защитный контур.

С его помощью органы правопорядка давали любопытным понять, что доступ сюда закрыт, а заодно мешали проникнуть на эту территорию. Решившийся пройти через контур рисковал ожогами, расстроенными нервами и ночью в полицейском участке.

Контур сообщал о любой попытке его пересечь.

Выправив шаг, я продолжил идти с видом обычного прохожего, не забыв изобразить на лице приличествующее случаю любопытство. Еще не хватало, чтобы коп обратил на меня внимание. Парень в форме глянул подозрительно, но тут же отвел взгляд. Я прошел мимо, не сбавляя хода, и направился к перекрестку, где Абрикосовая улица встречалась с Тенистой.

Итак, в доме профессора Фробениуса совершено преступление. Довольно серьезное, чтобы особняк стали охранять, и достаточно недавно, чтобы следственная группа не успела изучить улики.

Вывод один – убийство. Кто-то добрался до профессора раньше меня.

Но кто?

Мне нужно было поразмыслить, и желательно не на ходу.

Тенистая улица немного отличалась от прочих на Белых Холмах. Она представляла собой что-то вроде центрального проспекта района. Тут имелись магазины – из их открытых дверей доносилась музыка – и даже бары.

В один из них, чью вывеску украшало изображение носастого краснокожего человека в уборе из перьев, я и решил заглянуть.

Внутри оказалось сумрачно, на стенах красовались головы громадных рогатых зверей, в которых я с удивлением узнал бизонов, трубки с очень длинными чубуками и повешенные крест-накрест томагавки. Пахло табаком. Посетителей не было вообще.

– Здравствуйте. – За стойкой появился смуглый черноволосый мужчина. – Чего желаете?

– Кофе у вас есть?

– Обижаете! – мужчина хмыкнул. – В «Одиноком индейце» лучший кофе на всей планете!

Я усмехнулся и подсел к стойке:

– Тогда большую чашку черного, и без сахара. Что, ваши предки – индейцы?

– Так говорят. – Чашка оказалась действительно большой, а кофе – чернее ночи. – Прашур, улетевший с Земли, считал себя чероки, я похож на индейца, как астероид на планету, но народу экзотика нравится... приходится соответствовать...

Улыбка у него оказалась широкой и очень дружелюбной. Днем «Одинокий индеец» не страдал от избытка посетителей, и хозяин бара был не прочь потрепаться.

– Вы ведь инопланетник, верно? – спросил он. – Из Федерации?

– Что, по речи заметно?

Он кивнул.

– Я родом с Земли. – Если Александру Мак-Нилу и было что скрывать, то я об этом ничего не помнил. – Наша компания открыла бизнес на Земекисе. Надоело жить в гостинице, да и семья скоро приедет. Вот, дом подыскиваю...

Соврать получилось неожиданно легко, я даже не покраснел. Хотя, может быть, я и не врал – на самом деле прилетел искать дом, пистолет ношу с собой, потому что параноик, а с громилами поспорил из-за политических убеждений...

Вот тут я покраснел. Нет ничего хуже, чем обманывать самого себя.

– Да у нас в районе свободных домов почти и нет, – пожал плечами хозяин «Одинокого индейца». – Все живут давно, съезжать никто не собирается. Хотя постойте... Сдается мне, что один дом скоро освободится.

– Это почему?

– А вчера профессора убили, на Абрикосовой, – сообщил потомок чероки, глаза его загорелись, отражая накал, с которым прошедшим вечером завсегда и обсуждали эту сногшибательную новость.

– Убили? Не может быть! – Я изобразил величайшее изумление. – А как это случилось?

– Полиция ничего не сообщает, но говорят, что около полудня профессора застрелили.

Около полудня. А очнулся я с пустой головой на заброшенном складе, до которого отсюда где-то минут пятнадцать езды, как раз в половине первого. Так что, выходит, это я укокошил профессора?

А громилы, с которыми я чего-то не поделил, мои сообщники?

Придя к такому выводу, я поперхнулся. Отличный кофе встал мне поперек горла.

– Эй, что случилось? – Хозяин бара метнулся за полотенцем.

– Все в порядке, – ответил я, взмахом руки останавливая его, – слишком богатое воображение...

– А, ну ладно, – облегченно вздохнул потомок индейцев. – Извините, что потревожил...

Дверь «Одинокого индейца» стукнула, хозяин повернулся к новому клиенту, оставив меня допивать кофе в одиночестве. Ничего не мешало предаваться размышлениям.

Профессора Фробениуса, человека, который мог знать что-либо о моей персоне, убили. Причем до того момента, как я потерял память. И сделал это, вполне возможно, я сам, а судя по состоянию моего счета – за деньги. Учитывая, насколько хорошо я обращался с ору-

жием и собственным телом, сам собой напрашивался вариант, что по профессии я – наемный убийца.

Оставалась неясной история с громилами, как и причина внезапной амнезии. Плюс та штука, которую я вытащил из пальцев одного из трупов. Я осмотрел ее в подземелье, потом в гостинице, но так и не смог понять, что это такое.

В любом случае в доме профессора могли быть какие-то зацепки, увидев которые я смогу понять, кто я такой и что именно случилось вчера. Придется лезть в особняк.

Допив кофе, я кивнул хозяину и направился к дверям.

* * *

Закат на Земекисе напоминал растворение куска желтого сахара в очень темном чае. Солнце, похожее на шафранный блин, словно растекалось по линии горизонта. И небо начало темнеть с неторопливостью, способной довести существо с более быстро вращающейся планеты до белого каления.

Но я ждал и терпел, мне спешить было некуда.

Для ожидания я выбрал укромный уголок сада, окружавшего особняк со львами у ворот. В этом доме обитали двое дряхлых слуг, следивших за порядком, пока хозяева, скорее всего, осматривали достопримечательности иных миров.

Еще днем, дождавшись подходящего момента, я перелез через ограду и затаился в густых зарослях на границе двух участков.

Чем темнее становилось, тем ярче сверкал вокруг дома Фробениуса защитный контур. Мало кто задумывается, что его задача – скорее отпугнуть любопытных, чем на самом деле остановить.

Решительному человеку контур мало чем мешает.

Полицейский, днем стороживший дом профессора, давно снялся с поста и ушел, оставив контур замкнутым.

Вечер был прохладным. У входа в особняк на той стороне улицы ожесточенно спорили мужчина и женщина, где-то вдалеке брехал пес. В доме со львами, судя по погашенному свету, уже спали. Наблюдали за мной разве что редкие тусклые звезды.

Примериваясь к контуру, я чувствовал себя закоренелым преступником. К бегству с места убийства мне предстояло добавить проникновение на запретную территорию. Законы Земекиса я нарушал с потрясающей частотой, и местные злодеи должны были завидовать мне со страшной силой.

Контур предупредительно мигнул, когда я приблизился вплотную. Но те, кто его устанавливал, как-то не задумались о том, что препятствие высотой в два метра можно запросто перепрыгнуть, если у вас под рукой, точнее, под ногой, есть ограда в полтора метра.

Единственной проблемой была ее хлипкость. Конструкция из тонких металлических прутьев скрипела и тряслась, как кровать, на которой занимаются любовью.

На мое счастье, никто не прибежал посмотреть, что происходит. Перелетев через контур, я перекатился по мягкой траве. На несколько мгновений замер, распластавшись, чтобы случайный взгляд принял меня за бугорок.

Но встревоженных криков и топота слышно не было. Ссора на другой стороне улицы продолжалась, собака заткнулась.

Выждав, когда проедет кар, я поднялся и зашагал к дому. Костюм, переведенный ради подобного случая в спортивный вариант, не стеснял движений, а мягкие подошвы позволяли ступать бесшумно.

Главная дверь оказалась заперта. Я и не ожидал, что ее оставят для меня гостеприимно распахнутой, но сложный многоступенчатый замок стал неприятным сюрпризом.

Чтобы вскрыть такой, нужно подобрать пароль, взломать идентификационный код, опознающий людей по отпечатку пальца, и сломать обычный, только очень сложный механический запор.

Пришлось искать обходные пути.

Задняя дверь оказалась закрыта тоже, а вот неплотно прикрытое окошко на втором этаже меня заинтересовало. Похоже, что осматривавшие дом полицейские забыли о нем.

Перила крыльца выдержали мой вес с изумительной легкостью, а шедший вдоль стены уступчик оказался достаточно широким, чтобы по нему можно было двигаться неторопливыми шажками.

Перевалившись через подоконник, я прикрыл окно и перевел дыхание.

Несмотря на прохладную ночь, я вспотел, а сердце бултыхалось в груди, словно пытающаяся сорваться с крючка рыба. Глобально подпорченные утратой памяти нервы намекали, что надо бы вести более спокойный и законопослушный образ жизни.

В чем-то я был с ними согласен.

Включив фонарь, я обнаружил, что нахожусь в спальне. Кровать была аккуратно заправлена, а обстановка выглядела аскетической, как в одиночной камере.

Начать поиски можно было и отсюда.

Осложнялось все тем, что я не знал, что именно ищу. Мне подошло бы что угодно, способное пролить свет на личность Александра Мак-Нила и на то, почему он оказался на Земекисе.

Поэтому я перетряхнул кровать, заглянул в ящики столика и в стенной шкаф. Ничего интереснее вещей и пыли я там не нашел. Пришлось выйти в коридор.

Нарисованный светящейся краской контур расположился у самой двери. В стене и косяках остались маленькие проплавленные следы. Изучив их хорошенько, я вытащил собственный пистолет, аккумулятор которого зарядил в гостинице, и облегченно вздохнул.

Профессора убили явно не из него.

Хотя кто мог мне помешать избавиться от использованного оружия?

Отругав себя за паранойю, я продолжил осмотр. На втором этаже обнаружилась комната, отведенная под гардероб, и еще пара спален, таких заброшенных, что в них становилось грустно.

Лестница, ведущая на первый этаж, оказалась до ужаса скрипучей. Ступая по ней, я ощущал себя демоном, топчущим души грешников. Души стонали страстно и громогласно.

В прихожей не было ничего, кроме вешалки, стойки для ботинок и большого зеркала. На всякий случай я попытался заглянуть за него, но вделанное в стену зеркало взял бы разве что лом.

Пришлось продолжить обыск в других местах.

В гостиной мое внимание привлекли развешенные на стенах голографии. Большая часть из них изображала крупного светловолосого мужчину с усами, похожего скорее на борца, чем на профессора.

Облик Титуса Фробениуса не пробудил в моей душе никаких воспоминаний. Ни единой эмоции не возникло, пока я разглядывал погибшего хозяина особняка.

То ли я его не знал, то ли наше знакомство закончилось после первого выстрела.

Глава 2

В гостиной обнаружилось множество укромных местечек, и я возился тут долго. Потревожил покой вековой пыли под диваном, заглянул за все, за что можно было заглянуть, и даже попытался отвинтить головы ни в чем не повинным фарфоровым слоникам, мирно пасшимся на каминной полке.

Но либо здесь ничего ценного не было, либо все прибрала полиция.

Время от времени появлялись мысли о всяких хитрых устройствах вроде сканеров и анализаторов сравнительной плотности, с помощью которых проводится настоящий обыск, но я отодвигал их в сторону.

Единственным прибором, который имелся у меня, была голова.

Да и та изрядно попорченная.

Следующим объектом для изысканий стал кабинет. Когда-то он запирался на замок, но к нынешнему моменту от запора осталась дыра с оплавленными краями – кто-то открыл дверь предельно радикальным способом.

Внутри все выглядело так, словно на кабинет обрушился небольшой, но крайне зло-вредный ураган – перевернул все вверх дном, расколошматил хрупкие предметы и приборы. Под ногами хрустели осколки и обломки, на столе высился помятый корпус мощного вычислительного центра.

Тут что-то искали, причем в жуткой спешке.

Безо всякой надежды на успех я подошел к столу и принялся выдвигать ящики. В них было пусто, как в моей памяти, – хитрые полицейские, вместо того чтобы разбираться на месте, просто выгребли все и увезли.

Интересно, какими же исследованиями занимался профессор?

Задвинув ящик, я услышал, как к дому подъехал кар, на стену напротив окна упал синеватый отблеск.

«Вот дьявол», – подумал я, выглянув на улицу.

Двое полицейских топтались около управляющего блока защитного контура.

Неужели кто-то из соседей заметил мелькающий в окнах дома свет?

Кляня себя за неосторожность, я метнулся к двери. Если буду двигаться быстро, то смогу выбраться через окно второго этажа, пока они станут осматривать первый.

Нога предательским образом поехала на чем-то маленьком и скользком, я взмахнул рукой, пытаюсь удержать равновесие. Попытка не увенчалась успехом, и я со звучным хрустом рухнул на стул – один из немногих целых предметов в комнате. Тот не выдержал подобного обращения и развалился.

Если до сего момента полицейские лишь подозревали, что в доме кто-то есть, то теперь я предоставил им неопровержимые доказательства. С улицы донеслись полные тревоги крики и топот.

Ругаясь про себя, я поднялся на четвереньки. Взгляд мой упал на валявшийся среди обломков стула обыкновенный диск для записей, из тех, что можно просмотреть даже универсатором.

Сам не знаю зачем я схватил его.

Полицейские, судя по всему, пока сражались с замком входной двери. Из моего врага он неожиданно превратился в союзника.

Сунув диск в карман, я побежал к лестнице. На одном дыхании добрался до спальни и выглянул в окно. Полицейский кар стоял у ворот, на крыше посверкивал синий маячок. Стражи порядка, судя по увлеченному сопению внизу, пытались вышибить дверь.

Для того чтобы поискать обходной путь, у патрульных не хватило мозгов.

Тем хуже для них!

Я открыл окно и перебрался на выступ. Учитывая грохот, поднятый полицейскими, я мог особенно и не таиться.

– Вон он! Вон он! Уходит! – завопили от ворот.

Вот проклятие! Зевак я и не заметил!

Снизу ударил мощный сноп света, вырвавший из тьмы мое вовсе не лучшее добротой лицо и пистолет, который я успел вытащить. Наверное, полицейский сильно удивился, обнаружив, что я вооружен.

Стрелять я не хотел, но пришлось. Хлопок – и фонарик погас, разнесенный на части импульсом. Еще один – страж порядка упал на газон с дырой в плече. Третьим выстрелом я достал его коллегу, пытавшегося укрыться за углом дома, четвертым – вдребезги расколотил маячок на крыше машины.

Звон разлетавшихся осколков смешался с визгом разбегавшихся зевак.

Спрыгнув на землю, я повернулся к полицейскому. Тот, сидя на земле и шипя от боли, силился поднять оружие. Пришлось успокоить его хорошим ударом. Ретивый коп брякнулся ничком и обмяк.

Его коллега, получивший импульс в спину, лежал без сознания.

Убивать я никого не собирался – патрульные ни в чем не были виноваты, а кроме того, толком они меня не разглядели. Поэтому я ограничился тем, что наручниками приковал правую руку одного к правой же ноге другого и наоборот, а рации обоих раздавил каблуком.

Это даст мне небольшую, но все же отсрочку.

Выйдя через ворота, я огляделся. Вокруг было пусто и тихо – зеваки тряслись от страха под кроватями, а полицейские, если они узнали о нападении на коллег, еще не успели прибыть.

Сирен слышно не было.

Следовало убраться подальше. В голове всплыла не так давно изученная карта города – на запад идти смысла нет, оттуда, из центра Бураков-сити, по мою душу явятся, на восток и юг простираются те же Белые Холмы – шахматная доска из особняков, окруженных садами.

Множество мест, чтобы отсидеться и переждать, но только до утра. Утром каждое незнакомое лицо в районе, где все друг друга знают, вызовет нездоровый интерес, и это незнакомое лицо, скорее всего, попытаются сдать полиции.

Оставался север. Через пару сотен метров начинался парк, а за ним – промышленная зона. Место, где может спрятаться даже бронтозавр, вздумай он укрыться от любопытных глаз.

Чем быстрее я туда доберусь, тем лучше.

Оглядевшись еще раз, я побежал. Ночной воздух приятно охлаждал лицо.

* * *

Эта гостиница отличалась от вчерашней примерно так же, как одна звезда класса D от другой. Имелись та же душевая кабина, стереовизор и ложе, чуть более узкое, зато длинное.

Несмотря на то что номер я снял в четыре часа по местному времени, чувствовал я себя бодро. Вот уж не знаешь, где найдешь, а где потеряешь – длинная ночь Земекиса позволила не только совершить уголовно наказуемое деяние, но еще и выспаться после него.

Настало время ознакомиться с найденным у профессора диском.

Универсатор заскрипел, принимая во чрево крошечное вместилище записей. Считывание продолжалось необычно долго, и я уже подумал, что диск был поврежден, когда на него рухнуло мое жилистое тело. Но тут экран осветился. Добычей стал единственный

файл, содержащий короткую, в строчку, запись: «Стоун, остров Миллена, хранилище банка «АБСТЕЛЫЦ», ячейка 2456810, код 2312890».

Интересно, что спрятал профессор в этой ячейке? Понятно, что какую-то ценность, но почему так далеко? Банк «АБСТЕЛЫЦ», принадлежащий негуманоидной цивилизации орроох'х, имел отделения и клиентов по всей Галактике. Его хозяева ухитрялись делать бизнес везде и находить общий язык со всеми, начиная людьми и заканчивая иссекайцами, самой древней, закрытой и загадочной звездной расой нашей части Галактики.

Какой смысл было тащиться на Стоун, планету на другом краю Смешанного сектора? Судя по всему, какой-то был.

Вытащив диск из универсатора, я задумался. Мое прошлое, как и в тот момент, когда я очнулся в окружении трупов, оставалось тайной. Добавилось лишь вопросов, и часть из них звучала достаточно неприятно...

Кто я, наемный убийца? Что не поделил с громилами на заброшенном складе? И что стало причиной потери памяти? Память – не зажигалка, вывалившаяся из кармана, потерять ее трудно. Снаружи голова выглядела целой, последствий от введения психотропных веществ я не ощущал...

Под такой грудой вопросов можно было задохнуться.

Честно говоря, на Земекисе мне делать больше нечего. Но звездолеты летают сюда нечасто, так что улететь в Федерацию раньше чем через четыре дня я не смогу. Пока слетать на Стоун? Посмотреть, что лежит в банковской ячейке?

Вряд ли я успею сделать это за четыре дня.

Оставалосьдохнуть со скуки в гостинице. Хотя почему в гостинице? Кто запрещает мне прогуляться, осмотреть город, купить что-нибудь или посидеть в ресторане? Идея пришла мне по вкусу, и через полчаса я выходил из гостиницы, чистый, выбритый и в начищенных туфлях.

Бураков-сити строился так же, как большая часть старых колониальных столиц: исторический центр, вокруг него – деловые кварталы, утыканные небоскребами, а дальше – безбрежное и вонючее море трущоб.

Смотреть во второй и третьей части было нечего, и я отправился в центр.

На главной площади, как и положено, высился памятник основателю колонии, Николаю Буракову. Вид он имел, надо сказать, довольно ошеломленный. Этот капитан колонизаторского звездолета, каких много разлетелось из Федерации во времена смуты, двести лет назад, должно быть, перепутал навигационные карты или просто нырнул в подпространство наугад.

То, что космический корабль вынырнул у планеты, где можно было жить и где не оказалось агрессивных разумных существ, стало для него довольно приятным сюрпризом.

За статуей виднелся построенный из обломков того самого звездолета домик, когда-то бывший администрацией, а теперь сохраняемый как реликвия. Полубовавшись на этот памятник архитектуры, имеющий довольно сомнительную эстетическую ценность, я отправился искать ресторан.

Есть хотелось все сильнее.

В исторической части движение транспорта было запрещено. Улицы заполняла пестрая толпа. Людей было больше всего, попадались хоррандцы и ургрельцы, мелькали корявые фигуры ктубху, один раз прокатился напоминавший колесо орроох'х. По ободу алмазами блестели многочисленные глаза.

Рестораны встречались во множестве, но по внешнему виду трудно было понять, что именно подают внутри – блюда для людей или тошнотворную стряпню, которую не оценит свинья, но с удовольствием употребит представитель Империи Остор, коренная раса которой произошла от существ, питающихся в основном падалью.

Так что я брел, пока не наткнулся на вывеску, которую можно встретить на любой из планет Федерации – алую букву «Х», окруженную клубами пара. «Хомос – самая большая сеть закусочных в Галактике», как вещала реклама.

Вот тут точно кормили людей.

Обрадованный, я ускорил шаг. За вывеской закусочной обнаружилась еще одна, несколько меньше и не такая яркая. Второй этаж занимал «мегадоктор Людвиг Ли, психиатр гуманоидного профиля».

Опа-па! Вот кто может вернуть мне память!

Я заколебался, не подняться ли мне сразу на второй этаж, но решил, что воспоминания могут подождать полчаса, пока я набью брюхо. В конце концов, от потери памяти еще никто не умирал, а вот от голода...

В закусочной было жарко, тесно и чадно, но это меня мало смутило. Пристроившись в конец очереди, я краем глаза заметил, что какой-то тип пялится на меня, словно котяра на валерьянку. Но одного взгляда в его сторону хватило, чтобы он отвернулся и удрал.

Набив живот, я решительно двинулся к лестнице, ведущей в обиталище психиатра гуманоидного профиля, но неожиданно для себя остановился на первой же ступеньке. В глубине души обнаружился внезапный страх – вдруг то, что я вспомню, окажется позорным или неприятным?

Подобное чувство испытываешь, расспрашивая друзей о последствиях вечеринки, окончание которой благополучно потерялось в алкогольном тумане...

Обругав себя за малодушие, я двинулся дальше. Как может человек, да и вообще любое разумное существо, жить без памяти? В определенной степени каждый из нас всего лишь сумма воспоминаний...

В приемной меня встретила ослепительно красивая секретарша. Блестели яркие синие глаза, красные губы, под одеянием угадывалась округлая фигура. Ее не портил желтоватый мех вместо волос на голове и слишком большие для человека клыки.

Из всех известных рас киолвуны походят на человека больше всего.

И больше всего его ненавидят. По крайней мере, те, кто живут в метрополии.

– Вам назначено? – мурлыкнула красавица, поглядывая на меня как на отбивную.

– Нет, – мужественно ответил я. – Сами мы не местные, только головой здесь повредились... платить будем федами...

– О! – Личико секретарши отразило мгновенную задумчивость, потом она кивнула: – Проходите, доктор сейчас свободен...

Людвиг Ли оказался крошечным, лысым и узкоглазым, напоминавшим ожившую и похудевшую статую Будды. Уставившись на меня с профессиональной ехидцей, он мягко спросил:

– Что вас беспокоит, господин... э-э?..

– Мак-Лот, – непонятно зачем соврал я. – А беспокоит меня амнезия.

– И что именно вы забыли?

– Все, – честно сказал я, – о себе.

Лицо доктора отразило довольно высокую степень изумления.

Я поведал ему свою историю с того момента, как очнулся, за вычетом уголовно наказуемых деяний.

– Да, – сказал психиатр по окончании рассказа. – Первый раз сталкиваюсь с таким случаем... Пожалуйте-ка в кресло. Для начала проверим состояние вашего мозга.

Я взгромоздился в кресло, высокое и мягкое, и на голову мне нахлобучили шлем. Кожу защекотали сотни скрытых под ним контактов. Последующие минут десять доктор кружил около меня, как гриф вокруг издохшей коровы.

– Ну что? – поинтересовался я, когда он закончил созерцать мерцающий в воздухе виртуальный экран и повернулся ко мне. – Мозг на месте?

– На месте, – ответил Людвиг Ли, – только ведет себя довольно странно...

– И вы сможете вернуть мне память?

– Я могу... попробовать. – Уверенности на лице психиатра было не больше, чем честности в душе шулера. – Но полной гарантии не дам.

– Ладно, чего там, – я махнул рукой, – не выгорит, так и ладно, а получится – здорово. Неловко как-то жить без воспоминаний...

Из-за стены, из приемной, донесся гулкий удар, потом негромкий взвизг.

– Что там такое? – удивленно повернул голову доктор.

Я сорвал шлем, рука сама нырнула под мышку, к пистолету.

Дверь распахнулась с грохотом. В кабинет, размахивая оружием, ворвались трое громил – два человека и хоррандец, похожий на очень толстого динозавра из мультика.

На злого и зубастого динозавра.

– Лежать! – гаркнул один из людей, но я и не подумал выполнять столь дурацкий приказ.

Вместо этого я выстрелил. Импульсный пистолет мало распространен только из-за дороговизны, а так это оружие страшное. Импульс угодил крикливому типу в грудь и проделал в ней здоровенную дыру. Раздался треск, в стороны полетели кровавые ошметки.

Доктор Людвиг вскрикнул и упал в обморок. Так-то лучше, лежа он не попадет под случайный выстрел.

Воздух вокруг меня зашипел, полосуемый излучателями. Уцелевший человек и хоррандец, несмотря на гибель соратника, палили осторожно, и у меня возникли подозрения, что я нужен им живым.

Что же, они мне живыми нужны не были.

Луч прошел рядом с плечом, ухо обожгла боль. Ответный выстрел перебил хоррандцу конечность. Тот рухнул на пол, голоса и круша мебель толстым зеленым хвостиком.

На лице последнего из громил отразился страх. Беспорядочно стреляя и попадая большей частью в стены, бандит кинулся к двери. Я пальнул в него, но промазал.

– И чего вам, ребята, от меня надо? – сказал я с досадой, оглядывая трупы. Они не сильно отличались от тех, которые я обнаружил вокруг себя позавчера.

Убитый человек был в рубашке с короткими рукавами. На поросшем рыжим волосом предплечье я заметил небольшую татуировку – трех змей, соединенных хвостами во что-то вроде свастики. Тела их изгибались, а из разверстых пастей торчали неправдоподобно большие зубы.

Имей такие живая змея, она бы умерла, простудив кишки.

На лапе хоррандца, болевым шоком отправленного в бессознательное состояние, рисунок имелся тоже. Похоже было, что его просто выжгли на прочных чешуйках. Что обозначал этот знак, я не имел представления. Принадлежность к какой-то преступной группировке? Вполне возможно. Но вот к какой? И как я перебежал им дорогу?

Забрав оба излучателя, я заторопился к выходу. Увы, но сеанс психотерапии пришлось отложить. Скоро тут появится полиция, а беседовать с ней я опять не имел никакого желания.

Секретарша возлежала в кресле в настолько живописной позе, что любой благородный герой тут же кинулся бы приводить ее в чувство. Но я не ощущал себя благородным героем и поэтому равнодушно прошел мимо.

Скоро тут будет не продохнуть от желающих оказать помощь.

Выходить тем же путем, каким пришел сюда, я не рискнул. Наверняка там уже толпятся любопытные, которые запомнят мою физиономию и с удовольствием опишут ее полицейским.

К счастью, в здании нашелся черный ход. Он оказался заколочен досками, но хороший удар плечом решил эту проблему. Отряхнувшись от пыли, я зашагал прочь с беззаботным видом обыкновенного прохожего.

Пострадавшее ухо дергало боль.

Пройдя дворами, я вышел на широкий проспект. На другой стороне рядом стояли офисные здания. Мое внимание привлекла вывеска «Швейцарских Объединенных Банков».

«Как кстати, – решил я. – Вот и место, где можно добыть наличные».

Идентификационная карточка очень удобна как средство оплаты, но только в том случае, если вы в ладах с законом и теми, кто его охраняет. В обратной ситуации она запросто может вас выдать.

– Сколько хотите снять? – спросил меня клерк, взиравший из-за бронированного стекла, как ящерица из террариума.

– Тысячу, – подумав, ответил я. – Половину местной валютой, половину федеральными...

Спустя пять минут я стал гордым владельцем пачки новеньких хрустящих банкнот. На деньгах местного производства оказался изображен тот же Бураков, уныло взиравший с постамента.

Налюбовавшись его профилем, я сунул наличность в карман и вышел из банка.

И покатился по ступенькам, уходя от выстрела. На обочине стоял темно-синий микроавтобус, из окон которого торчало такое количество стволов, что впору было задуматься о спрятавшейся внутри роте штурмовой пехоты.

И все они палили по мне. В этот раз – на поражение.

Перекатываясь в сторону, я разглядел рядом с водителем типа, ушедшего от меня в приемной психиатра. На лице его застыл кровожадный оскал, а палец без устали давил на сенсор излучателя.

Смелые эти гады! Не боятся стрелять на улице средь бела дня!

Стреляют, правда, отвратительно.

Спасло меня то, что лестница, ведущая к дверям банка, была довольно высокой. Докатившись до ее края, я брякнулся с полутораметровой высоты. Теперь излучатели полосовали воздух гораздо выше, но мои ребра хрустнули, не выразив восторга по поводу соприкосновения с тротуаром.

«Ну, сейчас я вам задам!» – Я высунулся из-за лестницы и выстрелил.

Точно посланный импульс угодил в энергетическую установку, микроавтобус подбросило, синий корпус охватило пламя. Изнутри донеслись вопли, полные боли.

Да, ребята, те из вас, кто выживет, усвоят хороший урок – в машине во время перестрелки лучше не прятаться. Разве только в том случае, если она бронированная.

Из горящего с треском и гулом микроавтобуса выскакивали охваченные пламенем фигуры, похожие на пьяных духов огня. Они шатались и поспешно падали на землю. Можно было перестрелять всех до единого, но я решил не тратить на это времени.

Фасад банка несколько пострадал, роскошные двери, из-за которых пугливо выглядывал охранник, украсились оплавленными дырками. Я искренне понадеялся, что у «Швейцарских Объединенных Банков» найдутся деньги на ремонт, и заторопился прочь.

Да, сегодня я один обеспечиваю головную боль полиции Бураков-сити! Только и делаю, что отстреливаюсь и убегая! Интересно, у меня всегда такая насыщенная жизнь или только в последние два дня?

Немногим позже взяв такси, я специально проехал мимо здания «Швейцарских Объединенных Банков». Микроавтобус продолжал гореть, вокруг валявшихся на тротуаре бандюг толпились люди.

Чтобы добраться до гостиницы, я сменил три машины. Все таксисты смотрели на наличные деньги с изумлением и откровенной жадностью. Понятное дело, такие приятные сюрпризы случаются нечасто.

В гостиницу я вошел несколько помятый, усталый, но в хорошем расположении духа. Выставив на двери надпись «Не беспокоить», я прошел к зеркалу и осмотрел ухо. Ничего страшного не случилось – луч задел самый краешек, оставив узкий порез с обожженными краями.

Заживет как на собаке. Попади мне кто в ухо из импульсного пистолета, его бы, то есть ухо, просто оторвало.

Заказав ужин в номер, я принял душ и улегся на кровать. Включенный стереовизор оказался настроен на канал новостей. Переключать я не стал и прослушал репортаж о том, что на Малом Южном континенте планеты начато освоение урановых месторождений.

Рассказ о трудовых буднях Зеmekиса сменился криминальной хроникой. Для начала мне продемонстрировали покореженный фасад «Швейцарских Объединенных Банков» и закопченный остов микроавтобуса рядом с ним.

Обгорелых громил загружали в фургончик «Скорой помощи», а взволнованная репортерша болтала что-то насчет мафиозных разборок, жертвами которых все чаще становятся мирные жители.

Для примера продемонстрировали кабинет доктора Людвига Ли, выглядевший несколько разгромленным, а также самого доктора, ошеломленно моргавшего узкими глазенками.

Я мог собой гордиться – два моих деяния попали в новости!

Но следующий же кадр заставил меня подавиться собственной гордостью и судорожно сглотнуть.

Лицо, заполнившее экран, было снято нечетко и немного сбоку.

Но все же оно принадлежало мне.

Снизу его украшала надпись: «Полиции нужна помощь!»

Я поспешно добавил громкости. Из текста следовало, что изображенный на экране человек, вероятнее всего, является убийцей профессора Титуса Фробениуса. Его видели в доме на Абрикосовой улице дважды, в день убийства, то есть позавчера, и сегодня ночью.

Ну, позавчера ладно, выходит, что я там все же был. А вот ночью-то меня кто видел? И откуда снимок?

И тут же я отругал себя за тупость. Полиция, вне всякого сомнения, поставила в доме камеры. И я, как последний идиот, даже не удосужился проверить их наличие!

Потому и изображение не совсем качественное, сделанное в темноте.

В дверь постучали.

– Войдите! – крикнул я и выключил стереовизор.

– Ваш ужин, – вместе с громыхающей тележкой явился гостиничный служащий.

– Оставьте, – велел я, а как только он вышел, принялся переодеваться.

Насколько я помнил, небольшой стереовизор стоял у администратора на стойке, и тот в него таращился всякую свободную минуту.

Шанс на то, что он меня не узнал, имелся, но не очень большой.

Костюм-трансформер послушно превратился в неприметный рабочий комбинезон. В нем я вряд ли сойду за постояльца, скорее за подсобного рабочего. Туфли остались теми же, но по ним меня вряд ли будут искать.

С улицы донесся визг покрышек.

Я выглянул в окно. Из остановившегося кара, длинного, как сосиска, стремительно выскакивали мужчины в черных костюмах. За первой машиной тормозила вторая. Явились по мою душу! Администратор все-таки смотрел новости!

Ухватив с тарелки кусок хлеба и жуя на ходу – эх, жаль, не удалось поесть, – я выбрался в коридор. Тут, к счастью, никого не было, тускло горели лампы под потолком.

К лифтам я соваться не стал, а пошел к задней лестнице, предназначенной для прислуги. Воровато оглянувшись, захватил стоявшую у одного из номеров швабру и водрузил ее на плечо.

По лестнице я шагал, беззаботно насвистывая. Встретившаяся между третьим и вторым этажами горничная поглядела на меня удивленно, но ничего не сказала. Я кивнул и протопал мимо.

Но как я ни спешил, служебный выход успели перекрыть. В дверном проеме, мило беседуя, стояли тип из службы безопасности гостиницы и один из гостей в черном костюме. При моем появлении они дружно выхватили оружие.

– Эй, что такое? – сказал я испуганным голосом, не прекращая идти. – Вы что?

– Выходить из гостиницы запрещено, – сказал охранник. – Ловят кого-то...

– Ну вот, а у меня работа. – Я сделал еще шаг.

Лампочка под потолком была настолько тусклой, что рахитичный светляк справился бы с ее обязанностями куда лучше. Благодаря этому мою преступную физиономию узнали только в последний момент, когда я подошел вплотную.

Обладатель черного костюма побледнел, и ручка швабры с грохотом заехала ему в лоб.

– Как? – Охранник попытался отшатнуться, но получил тычок под ложечку. Захлебываясь слюнями, упал на колени, а оглушил я его кулаком с зажатым в нем пистолетом.

Два тела остались лежать на полу.

– Вот так, – сказал я.

Еще одно уголовно наказуемое деяние в довольно длинный список. Если правосудие Зеmekиса доберется до моей скромной персоны, то процесс получится интересным, а наказание – суровым. Хорошо, если дадут лет триста заключения или век каторги. А то ведь могут отправить на электрический стул или на виселицу.

Нравы у них тут, в Смешанном секторе, простые до неприличия.

Не выпуская из рук швабру, я выбрался в задний двор гостиницы. Выход из него был только один – на улицу, где у главного входа расположились машины полицейских. Но невысокий забор не стал препятствием. С надсадным кряхтеньем я перебрался через него и занялся тем, к чему привык за последние дни, – обратился в бегство.

Бегущий человек не вызывает подозрений в одном случае – если он в спортивном костюме. С этим сложностей не возникло, и вскоре я трусил вдоль улицы, изображая совершающего пробежку горожанина.

План Бураков-сити я изучал тщательно, так что целенаправленно двигался к Центральному парку – большому куску нетронутой природы Зеmekиса в окружении жилых кварталов. Вряд ли обитающие там эндемичные растения и животные смотрят новости.

Добрался я до парка, когда стемнело. Его окружала довольно высокая изгородь из металлической сетки. Пройдя вдоль нее полсотни метров, я обнаружил запертую на замок калитку. Ее пришлось слегка поломать.

Фонарик из универсатора вышел слабенький, так что в угрюмые заросли, откуда доносились пронзительные вопли какой-то живности, я лез почти на ощупь. Над ухом что-то заверещало, темная тень скользнула над самой головой. С ужасом я понял, что едва самым позорным образом не испачкал штаны.

Луч света выхватил из темноты короткое чешуйчатое тело. Похожая на похудевшую свинью тварь разинула пасть и негостеприимно зашипела.

– Ухожу-ухожу, – сообщил я, оглядываясь в поисках путей отступления.

Спустя пять минут добрался до поваленного дерева, на него и уселся.

Вокруг вопили, прыгали, летали и ползали сотни тварей, среди которых наверняка имелись хищные и опасные. Но в этот момент подобная компания была для меня приятнее, чем общество разумных существ.

Выключив фонарик, я принялся размышлять. Во-первых, за мной охотится местная полиция, которая, после того как я повредил организмы нескольким ее представителям, будет работать с удвоенной яростью.

Это довольно плохо.

Во-вторых, меня за что-то невзлюбили кровожадные типы, имеющие на руке татуировку из трех змей, явно знак какой-то преступной организации. Это еще хуже.

И те и другие знают, как я выгляжу, но до сих пор, похоже, не выяснили мое имя. До отлета с Зекекиса остается трое с половиной суток. Для того чтобы не стать трупом до окончания этого срока, у меня есть около тысячи федей наличными, импульсный пистолет и два излучателя.

Плюс голова на плечах, наполовину пустая.

Честно говоря, не густо. Единственный шанс уцелеть – сменить внешность.

* * *

Угнать кар на самом деле не так сложно. Главная проблема – не попасть потом в лапы легавых. На развитых планетах, где спутников в небе больше, чем звезд, любое средство транспорта, которое пытается вскрыть чужак, само сообщает о нападении в ближайший полицейский участок. Через пятнадцать минут незадачливый вор, не успевший как следует покататься, оказывается в лапах стражей закона.

На Зекекисе все обстоит не так плохо, хотя средство передвижения без сигнализации найти достаточно трудно. По крайней мере, в столице.

Я это выяснил, выбравшись из парка после непродолжительного сна. До утра благодаря длительности местных суток оставалось достаточно времени, а за часы, проведенные в парке, меня никто не съел и даже на зуб не попробовал, так что я пребывал в неплохом настроении.

Перебравшись через дорогу, я углубился в жилой район. Шел дворами, снижая риск попасться на глаза какому-нибудь патрулю. Звезд видно не было, их скрывали облака, время от времени начинал капать дождь. Я двигался перебежками, из тени в тень. Благодаря тому, что уличные фонари стояли не так часто, это оказалось несложно.

Машины попадались нередко, но большей частью – в огороженных дворах. Ухитрись я побороть сигнализацию, пришлось бы еще иметь дело с воротами. На такой дополнительный риск идти не хотелось.

На один кар, доступный почти как общественный транспорт, я некоторое время облизывался, но все же пошел дальше. Слишком заметная модель – роскошный «Галактик» пурпурного цвета. Вряд ли таких на Зекекисе много.

А в следующем дворе я нашел, что надо – небольшой автомобиль цвета мокрого асфальта. Судя по незнакомому символу на бампере, изготовили его не в Федерации, а в Смешанном секторе.

Вокруг кара чуть заметно серебрился ореол сигнализации, но он смутил меня не более, чем опытного ловеласа – надменный вид и презрительный взгляд очаровательной дамы.

Переведя пистолет на минимальный уровень мощности, я прицелился и выстрелил.

Ореол мигнул и погас.

Мало кто знает, но импульсным пистолетом можно пользоваться не только для банального убийства и членовредительства. С его помощью можно выводить из строя кое-какие устройства. Одни насовсем, а другие на время.

Дверца открылась бесшумно. Скользнув внутрь, я спешно вырубил сигнализацию – успеет она включиться вновь и засечь внутри чужака, мне только и останется, что сидеть и ждать, пока приедет полиция.

Все прошло гладко. Вырулив со двора, я взял курс к ближайшей окраине. Именно там, в трущобах, по причине отсутствия стереовизоров не имеют дурной привычки их смотреть. Кроме того, там всегда есть в наличии разумные существа, ведущие не совсем законный бизнес, состоящий в изменении внешности других разумных существ.

Ночной Бураков-сити меня не впечатлил. Тускло светились уличные фонари, подслеповатыми глазами выглядели редкие горящие окна. Дорога радовала выбоинами и канавами. Судя по ним, в черте города время от времени проводили учения танковые и саперные войска.

Машину я бросил у самой окраины трущоб. Просто свернул к обочине и вылез, не забыв вытереть носовым платком все поверхности, к которым прикасался. Еще не хватало, чтобы полицейским достались мои отпечатки пальцев.

Хотя они, скорее всего, у них и так есть. Доктор Людвиг наверняка опознал меня по голографии, а шпики его кабинет по миллиметрам просмотрели, отыскивая мои пальчики.

Вот уж головы ломают, что за убийца с амнезией им попался.

Уничтожив следы в машине, я проверил состояние своего арсенала и только после этого отправился в путь. Я не искал никого конкретно, мне подошел бы любой взрослый мужчина. В подобных районах, где основным способом заработка являются преступления, все друг друга прекрасно знают.

Это было мне на руку.

А вот то, что любой чужак рассматривается в первую очередь как объект нападения, – наоборот. Не успел я пройти и сотни метров, как из узкого проема между двумя лачугами, выглядевшими так, словно их построили страдающие косоглазием однорукие существа, вынырнуло несколько приземистых силуэтов.

Что-то щелкнуло, в полумраке сверкнули лезвия ножей.

– Эй, ты, – сказал один из силуэтов гнусаво, – проход по этой улице вовсе не бесплатный!

Так и есть – юссия, безносые и четырехрукие выходцы граничащего с Земной Федерацией Кратаната Оинаи. Существа ночные, а значит, куда лучше меня видящие в темноте.

Но я не собирался соревноваться с юссия в зоркости.

– Еще шаг – и я буду стрелять, – сказал я, предъявляя пистолет в одной руке и излучатель в другой, – и поверьте мне, на поражение...

– О! – Силуэты задвигались, собираясь раствориться в подворотне. Подобное не входило в мои планы.

– Эй-эй! – сказал я. – Не спешите! Вы можете заработать...

Юссия перешли на свой язык, состоящий сплошь из гортанных звуков. Насколько я знал их нравы, четверо мужских особей, попытавшихся меня ограбить, были мужьями одной самки, впятером составляя не столько социальную, сколько биологическую единицу, условно именуемую «семьей».

Грубо говоря, для окружающих они являлись единым целым и даже носили одно имя.

– Заработать? – уточнил самый высокий из четырехруких, судя по всему – доминирующий в семье самец. – Что надо делать?

– Задача простая, – пожал я плечами. – Мне нужен проводник.

– Сколько платишь и куда тебе надо?

– Сто, – ответил я, не опуская оружия. – Отведите меня к тому, кто поможет мне изменить внешность.

– Двести.

– Я найду другого проводника.

Юссиа посоветовались еще.

– Ладно, сто. Но сейчас. Вдруг ты врешь, и денег у тебя нет?

– Могу показать. – Я сунул в карман излучатель и вытащил заранее приготовленную банкноту. – Ну что, идем?

– Идем, – доминирующий самец отделился от группы.

Ростом он был мне по подбородок, вторая пара рук росла оттуда, где у человека ребра, ноги прятались под чем-то вроде юбки.

– Если только заподозрю, что ты пытаешься меня подставить, тут же пристрелю, – пообещал я, добродушно улыбнувшись. – Так что не делай резких движений...

Поросшее шоколадным мехом лицо перекосилось в усмешке, желтые глаза недобро блеснули.

– Не бойся, человек, – сказал юссиа, – мы не обманем...

Слова «я» в языке четырехруких просто не было. Для них индивидуальности не существовало, имела значение только группа. Вот и сейчас юссиа, вынужденный остаться без сородичей, сгорбился, походка его сделалась неуверенной.

Мы шагали по обочине того, что здесь сходило за улицу. Она петляла среди хижин и развалин, между которых попадались настоящие добротные дома, выглядевшие тут так же странно, как акула в пустыне.

В полумраке шныряли самые разные существа, на меня косились подозрительно, но пистолет в руке сдерживал особо любопытных. Временами мимо проезжали машины, большей частью древние развалюхи, хотя один раз мне пришлось посторониться, пропуская роскошный белый «Ягуар», длинный, как ракета.

– Кто это на таком ездит? – спросил я проводника.

– Один из лордов! – испуганно ответил тот, и я не стал углубляться в расспросы.

Везде есть лидеры, в том числе и тут. И пока остальные питаются отбросами и режут друг друга за несколько монет, они будут раскатывать на таких вот лимузинах и пить вино с Земли или Аркатана.

– Мы пришли. – Юссиа остановился перед приземистым строением, над входом в которое болталась вывеска «Оскар Пересо, торговля». – Давай деньги.

Глава 3

– Чем докажешь, что здесь не последний приют для особо любопытных чужаков? – спросил я.

– Мы не врем! – Юссиа ощерился, став похожим на огромного уродливого кота.

– Зайди со мной внутрь, и если все будет нормально, то тут же получишь бабки. – Я выразительно помахал купюрой с изображением Буракова.

Юссиа вздохнул и шагнул к двери.

Внутри оказалось пыльно и тесно. Все помещение было завалено коробками и ящиками, среди них с трудом уместился прилавок и толстый лысый человек за ним. Это «великолепие» освещала болтающаяся под потолком лампа.

Толстяк вопросительно уставился на юссиа, потом перевел взгляд на меня.

– Свободен, – сказал я, протягивая руку.

Купюра тут же исчезла из пальцев, через мгновение хлопнула дверь.

Толстяк вгляделся в меня пристальнее, и глаза его округлились. На лбу, плавно переходившем в затылок, выступили капли пота, губы задрожали.

– Что в-вам угодно? – Голос тоже получился дрожащим, жалким. Похоже, Оскар Пересо, в отличие от большинства жителей окраин, смотрел новости. Хотя торговать в этом районе и бояться убийц?

Странно.

– Мне требуется срочная перемена облика, – сказал я, небрежно помахивая пистолетом. – И не бойтесь, это не ограбление. Я заплачу.

– У м-меня есть все. – Хозяин магазина слегка отошел от первого шока, но взгляд у него все равно оставался испуганным. – Пластические модификаторы, краска, накладные бороды и усы... Но все в подвале! Я должен спуститься и взять...

– Мы спустимся вместе, – проворковал я, улыбаясь Оскару Пересо как можно любезнее. – Ведите, доблестный негоциант.

Судя по недоуменному морганию, хозяин лавчонки решил, что я его утонченно обозвал.

Мы прошли по проходу между ящиками, такому узкому, что хозяин с трудом вписывался в него, и оказались на лестнице, ведущей в подвал. Тут было темно, и я на всякий случай чуть отстал, чтобы Оскар Пересо не попробовал выбить у меня пистолет.

Подвал оказался больше помещения наверху раза в три. Тут тоже хватало всякого добра. У стены расположился новенький робот для горных работ, дальше грудой лежали стереовизоры, в центре виднелась пирамида ящиков.

– Неплохо у вас идет торговля, – присвистнул я.

Хозяин (скорее всего, подставной) магазина криво улыбнулся.

– Вот, выбирайте. – Нужный мне товар располагался на протянувшемся вдоль стены верстаке. Выбор был огромный, здесь имелось все, что только придумало человечество для смены внешности.

– Я выберу. А ты пока ляг на пол, вон там, – я показал пистолетом.

– Зачем?

– Чтобы не вздумал сбежать и запереть меня тут, – пояснил я. – Давай шустрее. Или мне начать отстреливать тебе руки?

Лишних рук у толстяка не было, и он поспешно шлепнулся на пузо.

Для начала я выбрал краску для волос. Нынешний цвет меня полностью устраивал, не ярко и в меру симпатично, но эту деталь моей внешности наверняка успели выяснить.

Придется стать седым. Баночка с краской перекечевала в карман. За ней настало время модификаторов. Два из них, наклепленные на щеки, сделали их морщинистыми, а третий я закрепил на носу, соорудив из него нечто кривое.

Над верстаком к стене было привинчено зеркало, так что я смог полюбоваться результатом своих трудов – из блестящей поверхности на меня глядел носатый старикан с подозрительно гладким лбом.

Ага, туда мы прилепим третий модификатор...

После этого пришел черед специального крема, старящего кожу на руках и шее. Об этом мало кто помнит, но шея и обратная сторона ладоней больше говорят о возрасте, чем лицо и волосы.

Накладных усов и бород я перемерил с десятков комплектов, пока не остановился на одном цвета благородной седины. С подобной растительностью на лице я походил на французского дворянина с портрета тысячелетней давности, не хватало только кружевного воротника и шпаги.

В карманы сунул кое-что еще, про запас.

– Благодарю вас, – сказал я, отворачиваясь от зеркала. – Деньги я положу сюда, на верстак. Счастливо оставаться.

– В каком смысле? – Хозяин магазина злобно смотрел на меня с пола, совсем не так, как полагается глядеть на покупателя.

– А в том, что вам придется посидеть тут с полчасика, – ответил я. – Очень вас прошу, сделайте такую любезность. Да, и дайте-ка мне ваш универсатор...

– Все-таки грабеж! – Оскар Пересо презрительно сплюнул и принялся снимать прибор с руки.

– Что вы? Я оставлю эту штуку за прилавком.

Подвальную дверь я запер, так что громогласные и изощренные ругательства хозяина долетели до меня слегка приглушенными. Поплутав немного по магазину, я отыскал туалет, где приступил к последнему этапу преображения.

Краска у Оскара Пересо оказалась хорошего качества. Одной ее капли хватало на то, чтобы окрасить до самых корней целую прядь. Весь процесс занял три минуты. Костюм послушно трансформировался, превратившись в рабочий комбинезон. Для правдоподобия я размазал по штанинам несколько горстей пыли и, спрятав пистолет, ковыляющей походкой вышел из магазина.

Александра Мак-Нила, бодрого тридцатилетнего убийцу, страдающего амнезией, во мне теперь заподозрил бы разве что параноик.

Над Бураков-сити занималось утро. Между домами плыли клубы вонючего тумана, горизонт на востоке розовел, напоминая щечку заторможенной девицы, до которой долго доходит, чем именно ей предложили заняться.

После успешного перевоплощения настроение мое слегка улучшилось. Осталось переждать несколько дней в каком-нибудь укромном месте, а потом благополучно убраться с этой планеты, оставив в печали полицию и громил с тремя змеями на руке.

На остановившийся передо мной кар я уставился с изумлением, но тут же отпрыгнул в сторону.

Если кто наблюдал за мной, то немало удивился – едва тащившийся дедок вдруг скакнул горным козлом! Но потом вполне одобрил старикана – в место, где я только что стоял, ударило сразу несколько выстрелов. Ушей достиг резкий хлопок – пулевое оружие, надо же!

В Федерации – настоящий раритет, здесь же оно еще в ходу.

О том, кому на этот раз понадобился Александр Мак-Нил, рассуждать было некогда. Я метнулся под защиту груды кирпичей, когда-то бывшей домом, одновременно вытаскивая пистолет.

Пуля вжикнула над плечом, выстрел излучателя расплескал землю у ног. Прыгнув, я покатился по камням. Покрывшиеся синяками части тела возражали против такого способа передвижения, но весь организм, благодаря падению спасшийся от смерти, был только «за».

Развернувшись, я выстрелил. Успевший выскочить из машины тип с излучателем застонал и рухнул. Оружие брякнулось на землю, брызнула кровь. Второй, с чем-то вроде винтовки, упал в какую-то выбоину.

С ревом и визгом из-за поворота вылетел еще один кар.

Ну, нет, сражаться с целой толпой громил я не собирался! Выстрел пришелся точно в энергетическую установку, машина красиво подпрыгнула и затормозила, врезавшись носом в стену лачуги. Раздался треск, похожий на отдаленный гром, хлипкое строение развалилось.

Из руин с визгом выскочило похожее на клубок шерсти существо и помчалось прочь.

Не успел я порадоваться попаданию, как пришлось откатываться в сторону – тип с винтовкой времени зря не терял. Он ловко укрылся чуть в стороне от своего кара и поливал меня свинцом.

Импульсный пистолет – хорошее оружие, но и оно имеет недостатки. Импульс чуть расходится по мере увеличения расстояния, и после пятисот метров теряет убойную силу, а еще им невозможно поразить того, кто укрылся хотя бы за небольшой возвышенностью с пологой поверхностью.

Импульс имеет свойство частично отражаться от почвы.

К счастью, у меня имелся еще излучатель. Вытащив его, я прицелился чуть ниже того места, откуда высывалась голова типа с винтовкой. Когда нажал сенсор, излучатель чуть вздрогнул, в его внутренностях что-то негромко заскрипело.

Раздался вскрик, и все стихло.

Добежав до выбоины, я обнаружил в ней несколько удивленный труп. Для верности выстрелив в него еще раз, точно в голову, я побежал к кару, моим старанием развалившему дом.

В машине было тихо, как в большом металлическом гробу, за тонированными стеклами ничего не двигалось.

Подойдя со стороны водителя, я осторожно открыл дверцу. Под ноги мне вывалилось бесчувственное тело. Залитое кровью лицо красноречиво говорило, что его хозяин серьезно пострадал.

У пассажира, который в момент столкновения сидел сзади, а сейчас лежал между передними сиденьями, оказалась так вывернута шея, что в переломе не осталось сомнений. Второй, сидевший рядом с водителем, дышал. Он был из той же расы лохматых гуманоидов, что и таксист, везший меня в первую ночь.

Вот с кем можно потолковать.

Обойдя машину, я распахнул вторую дверцу и сноровисто обыскал лохматого. Под костюмом из черной ткани он прятал небольшой арсенал, который перекачивал в мои карманы. А на руке я нашел все тот же символ – свастику из трех змеиных голов.

Учитывая волосатость конечности, ее вытатуировали на выбритом участке.

Взяв лохматого за грудки, я слегка потряс его. Из груди уцелевшего бандита вылетел слабый стон, глаза открылись, в них появилось недоумение, изрядно разбавленное страхом.

– Ну что, приятель, – сказал я, пытаюсь кровожадно улыбнуться. С модификаторами и накладной растительностью на лице это оказалось непросто. – Вариантов у нас два: либо ты мне все рассказываешь, либо я тебя просто убью.

– Что... ты... хочешь... знать? – Дыхание у него было слабое, с хрипами.

– Кто вы такие, дьявол вас побери, и что вам от меня надо?

Тут уж он посмотрел на меня как на взрослого человека, ткнувшего пальцем в солнце и поинтересовавшегося, что это за лампочка такая.

– Ну? – повторил я. – Или мне стрелять?

Появившийся перед носом излучатель заставил лохматого вздрогнуть.

– Ты похитил молнию... – пробормотал он спешно. – У лорда Змеиной Триады нет к тебе ничего личного. Отдай ему молнию, и тебя оставят в покое. Если хочешь, то тебе даже заплатят.

Час от часу не легче! Какая молния? Я что, похож на шамана, способного летать в грозу и хватать электрические разряды голыми руками? Ладно, хоть с врагами стало понятно – одна из Тριάд, мафиозных структур, заправляющих делами в Смешанном секторе, да и за пределами сектора тоже...

– Как вы вышли на меня?

– Оскар... позвонил...

Вот жирный торгаш! Ухитрился выбраться из запертого подвала, да как шустро. Надо было не просто запереть его, а хотя бы связать или еще лучше – пристрелить! Да, доброта меня всегда подводила. Но сейчас не подведет.

– Извини, парень, – я поднял излучатель.

Лохматый захрипел, задержался:

– Нет! Нет! Ты обещал...

– Ты видел мое новое лицо.

Излучатель прожег аккуратную дырку в его лбу, тело в черном костюме мягко упало вперед.

Захлопнув дверцу машины, я огляделся. Принцип «меньше знаешь – дольше живешь» в крови у обитателей подобных трущоб, так что вряд ли кто-то из них отважился наблюдать за перестрелкой.

Пора сматываться. Скоро тут появятся приятели убитых громил, обеспокоенные тем, почему до сих пор лорду Тριάды не доставили мою живую, хоть и несколько покалеченную тушку.

Пару сотен метров я пробежал, а потом перешел на ковыляние. Бегущий упругим шагом старикан вызывает такое же недоумение, как распеваящая соловьиные песни змея.

До жути хотелось идти быстро, но я сдерживался.

* * *

Было время, когда тот, кто ударялся в бега, отправлялся в безлюдные, дикие места. Потом таких мест почти не осталось, зато выросли города, чудовищные мегамуравейники, стало проще затеряться в них, среди сотен тысяч людей.

Сейчас, более чем через два с половиной тысячелетия после смерти Иисуса Христа, спрятаться в крупном городе не легче, чем в лесу. В любой гостинице с тебя потребуют идентификационную карточку.

Снять квартиру можно, но только не в моем случае. Теперь, когда по всем информационным каналам Бураков-сити с частотой, достойной разве что рекламы противозачаточных средств, демонстрируют физиономию убийцы, то есть мою, мало кто отважится сдать жилье незнакомцу.

А если и отважится, то тут же донесет в полицию. На всякий случай.

А мне кровь из носу нужно укромное место, где я смогу отлежаться, не попадаясь никому на глаза. Но прежде чем отправляться на поиски, я выбрался из трущоб и зашел в первый попавшийся продуктовый магазинчик.

В крупном не выйдет расплатиться наличными.

Охранник с подозрением посмотрел на грязный комбинезон и потасканную рожу, и торчал за спиной, пока я набивал корзинку продуктами. Отстал, только когда в моих руках зашелестели банкноты.

С охапкой пакетов, которые не всякому под силу утащить, я выглядел довольно подозрительно, но приходилось рисковать. Вполне вероятно, что возможности пополнить запасы у меня не будет.

Бродя по городу, я высматривал заброшенные здания, дома с большими подвалами и чердаками. Вскоре я набрел на обнесенную забором площадку, в центре которой высилось что-то большое и недостроенное.

Обычное дело – денег не хватило, вот и бросили.

Перебравшись через забор, я оказался на пустыре, заваленном строительным мусором. Бетонные блоки валялись вперемешку с кусками арматуры, под ногами хрустел битый кирпич.

Проемы первого этажа оказались заделаны железными решетками, но над ними кто-то поработал до меня. Металлические полосы были безжалостно погнуты, изнутри тянуло кислой вонью.

Я шагнул в проем и получил удар в лоб. Только и успел, что немного смягчить падение, но, несмотря на это, зашипел от боли, точно проткнутая шина. Голова загудела, перед глазами все закружилось.

– О, гля, кто к нам пришел, – из разрушенного дома выбралось существо, некогда бывшее человеком. Теперь оно больше походило на обвешенное лохмотьями пугало. – Не знал, что это наша территория?

Вслед за первым бомжом вылезли второй и третий. Они походили на бородатых обезьян, принимавших ванны в мусорном баке, причем не снимая одежды. На грязных лицах блестели злые глаза.

– Мне... только... переночевать, – выдавил я, трясая головой.

– Знаем мы таких! – Первый бомж оскалил гнилые зубы и помахал толстой доской, которой мне, похоже, и досталось. – Сначала переночевать, а потом остаются здесь, и хрен ты их выгонишь! Вали отсюда!

К этому моменту я достаточно оправился, чтобы перейти к более активной форме беседы. Резко выброшенная нога угодила типу с доской прямо в колено, он согнулся и завопил.

Один из его приятелей рискнул броситься на меня и получил удар в пах. Грязные ругательства оборвались, сменившись выразительным мычанием. Третий бомж отскочил и прижался к стене, в руке его блеснул нож.

– Ну, вот что, – сказал я, вставая, – брось эту штуку, а то порежешься ненароком. Ты понял?

Вынимать оружие не хотелось. Особой необходимости не было, да и начини я размахивать пистолетом или излучателем, тут же рухнет и так шитая белыми нитками легенда о том, что я потерявший работу и дом неудачник.

– А ты шустр, старичок, – пробормотал первый бомж, бросая доску. Судя по этому поступку, он был в тройце самым умным. – Убери нож, Прыщ, ты слышал?

– Не убери, а отдай, – поправил я. – Мне вовсе не хочется неожиданно обнаружить лезвие в спине...

Финка брякнулась на кирпичи.

– Отлично. – Я подобрал ее и спрятал в карман. – Мне придется провести у вас пару ночей. Так что сейчас вы будете сидеть тихо, а я пока осмотрю здание. Ваши никчемные жизни и жалкие шмотки мне не нужны. Понятно?

– Еще бы не понять, – пробормотал тот, которого называли Прыщом.

Осмотр не занял много времени. Комнату за проемом, в который я влез, занимали мои недавние противники. Тут воняло, как в сортире, грудой лежали какие-то тряпки да чернело пятно от костра. Вдоль стены шеренгой стояли пластиковые бутылки.

Явно не из-под кефира.

На втором этаже я нашел небольшую сравнительно чистую комнату. Благодаря сваленным у входа кускам железной арматуры проникнуть в нее бесшумно можно было только по воздуху. Такой вариант, учитывая наличие агрессивных и не совсем здоровых на голову соседей, меня вполне устраивал.

С номером в отеле такое жилище, конечно, и рядом не стояло. Но отсутствие душа, туалета и стереовизора с лихвой искупалось тем, что вряд ли сюда явятся громилы Змеиной Триады или полицейские.

Сняв для начала модификаторы, я перекусил, растянулся на полу и принялся размышлять. Что нужно от меня полицейским – понятно, они считают, что я пришиб Фробениуса. Но что за «молния», ради которой руководители могущественной преступной организации проявили прыть, оправданную разве что при ловле блох?

Или эта блоха золотая? Да еще подкованная?

Воспоминаний о «молнии» в пустом котелке, заменявшем мне голову, не имелось. Все вещи при мне были самыми обычными. Вряд ли лордов Триады заинтересовал универсатор или костюм-трансформер...

Стоп! А та штуковина, которую я забрал у дохлого негуманоида?

Я вытащил ее из кармана и еще раз осмотрел. Назначение чудного прибора после этого понятнее не стало. У него была рукоятка малого армейского излучателя, которым вооружены офицеры штурмовой пехоты Федерации. А вместо энергетического узла на ней крепился прямоугольный блок. В задней его части имелись многочисленные сенсоры разного цвета, посередине располагался крошечный экран, а на месте дула – овальная сеточка на толстом металлическом стержне.

И все, никаких надписей.

Пожав плечами, я потыкал в разные сенсоры. Включалась хреновина самым большим из них, красным, как кровь. Когда я нажал на него, экран осветился. Свечение его оказалось равномерно белым, и только в нижней части виднелась надпись «Параметры».

Все это смотрелось сделанным топорно, наспех. Для привыкшего к изящным электронным игрушкам жителя Земли или иной высокоразвитой планеты такая штука выглядела корявой поделкой.

И вот из-за нее за мной гоняются мафиози?

Тогда остается предположить, что их боссы дружно сошли с ума!

Да, жалко, что я не выяснил у того лохматого типа в каре побольше. Может быть, он знал, кто я такой, чего забыл на этой планете и что представляет собой «молния»...

Хотя вряд ли – исполнителям не сообщают лишнего.

После повторного нажатия прибор отключился. Я сунул его в карман и попробовал улечься поудобнее. Делать пока было нечего, и я собирался восстановить силы самым древним из известных способов – выспаться.

* * *

Ставший убежищем недостроенный дом я покинул в вечерних сумерках. Соседи, два дня назад активно возражавшие против моего вселения, а вчера ночью попытавшиеся прирезать меня сонного, сегодня добыли где-то бутылку хмельного и моего отбытия не заметили.

С помощью спиртного они занялись обезболиванием и обезболелись до полной отключки.

Оно и к лучшему – завтра решат, что я им померещился.

За двое суток пребывания в схроне у меня выросла русая щетина, совсем не подходившая по цвету к седым волосам, усам и бороде. В универсаторе нашлась бритва, но довольно плохонькая. Пришлось немало помучиться, прежде чем я смог убрать ненужную поросль.

Перебравшись через забор, я запустил программу трансформации костюма. Спустя десяток минут от заброшенной стройки удалялся благообразный седовласый джентльмен в безупречной тройке.

Таксист оказался настолько сражен моим видом, что даже не стал брать задаток. Космопорт, насколько я помнил карту, располагался в другом конце города, так что поездка предстояла длительная.

Вообще, план Бураков-сити я видел один раз, не больше десяти минут, и все же он засел у меня в голове, словно кривой гвоздь в доске. Я помнил все, вплоть до малейших деталей.

Либо у меня от рождения отличная память, либо ее хорошо тренировали.

Таксист оказался болтливым. От него я узнал, что вся полиция города ищет убийцу профессора Фробениуса по фамилии Мак-Лот (не зря я тогда соврал), но пока безуспешно, и что в последние дни совершено несколько непонятных нападений на стариков.

Меня обрадовало то, что никто из них не погиб.

Серебристые купола космопорта, похожие на чудовищных размеров шатры, появились впереди спустя два часа езды. К этому моменту у меня в ушах немного звенело, и расставание с таксистом, длину языка которого можно было измерять парсеками, вызвало только радость.

Выбравшись из такси, я влился в поток пассажиров. Вместе с ним через широкие двери проник в помещение пассажирского терминала, расположившееся под вторым по величине куполом.

Тут царила невероятная толчея. Казалось, что вся планета собирается переезжать. В толпе слонялись самые разные существа, представителей многих рас я видел впервые. Под высоченным потолком висело громадное светящееся расписание, роняя на лица и морды трепещущие лиловые блики.

Расписание в Смешанном секторе являлось вещью довольно переменчивой. Кроме нескольких твердо установленных рейсов, все остальные совершались по случаю. Поэтому желающие улететь куда-либо приезжали в космопорт и ждали okazji. День, два, иногда больше.

Я мог бы скрываться тут хоть полгода, если бы под модификаторами так не чесалась кожа.

– Ваш багаж, господин? – Низкорослый хоррандец едва не протаранил мне коленки громыхающей тележкой.

– Весь со мной, благодарю, – ответил я, разглядывая форменное одеяние, в которое нарядился зеленый ящер. Если удастся добыть такое, то я стану просто одним из сотен работников космопорта, на которых обращают внимание, только когда они оказываются прямо перед носом.

Но пока для этого было рано.

Позволив эскалатору вознести себя на второй этаж, я зашел в бар, откуда прекрасно просматривался весь зал терминала, взял чашку кофе и приступил к наблюдениям. Люди, занятые активной деятельностью, часто недооценивают их значение, и совершенно зря.

Потратив час на то, чтобы оглядеться, можно сэкономить несколько часов усилий.

Вот в расписании появилась новая строчка: «Картер, звездолет «Альгораб-1187», стартовая площадка 35, старт в 22.55, 45 мест». Толпа пассажиров, жаждущих попасть на Картер, с радостным визгом, ревом и воплями устремилась к автоматам по продаже билетов.

Чуть позже сорок пять счастливицов, успевших первыми, с гордым выражением на лицах, мордах и прочем направились к зоне посадки. Та представляла собой широкий проход, разбитый на части продольными стойками, где дежурили существа в темной форме.

Там проходил обязательный для всех досмотр багажа и не менее обязательная проверка документов. Если с багажом у меня все в порядке, имелось даже разрешение на ношение пистолета (остальное оружие я благоразумно выкинул), то проверку документов я не пройду даже при непосредственной помощи Мирового Разума. Идентификационная карточка покажет проверяющим лицо, несколько отличное от того, что на мне сегодня, и хорошо им знакомое – портрет человека, подозреваемого в убийстве профессора Фробениуса. Так что туда я пойду, если только соскучусь по уютной сырой камере.

Среди толпы перемещались типы из службы безопасности космопорта, форма у них была тоже темная, но с серебряными вставками. По двое и по трое бродили полицейские. У них хватало дел помимо меня, но шанс отличиться никто из них не упустит.

– Господин желает еще кофе? – У столика возникла официантка. Ее улыбка тонко намекала, что просто так сидеть в этом заведении не принято.

– Давайте меню, я закажу что-нибудь поесть, – ответил я. Если есть возможность перекусить, то почему бы ею не воспользоваться?

В зале внизу раздался такой вопль, словно сотня нервных дам увидели крошечного мышонка.

Все ясно, какой-то корабль привез десяток малагасийцев. И похожие на громадных крыс существа решили побеседовать с встречающими их таможенниками на родном языке. А беседа по-малагасийски куда хуже скандала на любом другом языке.

Ох, бедные мои уши!

* * *

– Еще кофе?

Я мужественно кивнул. От кофе меня тошнило, но сидеть в кафе просто так было неудобно. Кроме того, нещадно хотелось спать. За ночь я сменил три точки общественного питания, три пункта для наблюдения.

Помимо того что я опился кофе и не выспался, это бдение имело и положительные стороны. Я заметил дверцу с надписью «Служебный вход». Входящие в нее существа в форме космопорта выходили оттуда в гражданском и наоборот. Кроме того, я выяснил периодичность движения по терминалу агентов службы безопасности и полицейских нарядов. Я мог точно сказать, где какой из них находится в любой момент.

В качестве последнего штриха я приобрел в одном из многочисленных магазинов чемоданчик из темной кожи, выбрав самый потертый и грязный, пролежавший на прилавке лет пять. Продавщица смотрела на меня как на идиота и не пыталась скрыть радости.

К утру народу в зале терминала стало поменьше, но ненамного.

Допив кофе, я глянул на универсатор. До рейса осталось два часа – достаточно времени, чтобы проникнуть на взлетно-посадочное поле и добраться до нужной мне стартовой площадки.

Рейс на Новую Америку, один из немногих постоянных, всегда отправлялся с одной и той же – первой.

Расплачиваясь за кофе, я без особого сожаления разменял последнюю купюру с изображением Буракова. Сердце наполнила искренняя надежда, что я нескоро увижу его унылую физиономию.

Спустился в зал я в четко рассчитанный момент, когда все, кто мог мне помешать, находились на достаточном удалении. Уверенным шагом пересек его и оказался около двери с надписью «Служебный вход».

Оглянулся и дернул за ручку.

Внутри меня встретили темнота и тишина – до утренней смены оставался час. Помещение, где я оказался, напоминало громадную раздевалку, да ею и было. Тянулись ряды одинаковых шкафчиков с номерами, в дальнем конце виднелась еще одна дверь, скорее всего – в санузел.

Замки на шкафчиках стояли новые, многоступенчатые. Понятно, что с такими незачем запирают входную дверь. Вот только мне вовсе не было нужно сложенное здесь имущество вышедших на работу сотрудников космопорта, а шкафчики, в которых оставляют служебную одежду, запирают не всегда...

Кому она нужна?

На мое счастье, для обитателей Земекиса беспечность не была чем-то незнакомым. Через несколько минут поисков я набрел на открытый шкафчик и стал обладателем довольно грязного комбинезона с надписью «Техническая служба» на груди. Его владелец если и слышал что-то о слове «чистота», то очень давно.

Выждав пять минут, чтобы дать пройти патрулю, я выбрался в зал. Мое появление потревожило всех не больше, чем капля, упавшая в море. Ссутулившись, я зашагал к ведущему вниз эскалатору.

Над ним болталась надпись «Только для служебного пользования», но я не обратил на нее внимания. Скучавший около эскалатора сотрудник службы безопасности бросил на меня ленивый взгляд.

– Ты куда?

– На пятой линия подачи кислорода сбоят. – Я сделал честное лицо и выразительно помахал чемоданчиком, в котором якобы содержались инструменты.

– Да? Что-то я первый раз об этом слышу.

– А зачем тебе об этом знать? Ведь нам тоже не докладывали о драке, произошедшей два часа назад.

Драка случилась по причине того, что одному ктубху кто-то наступил на ногу. Хотя у представителей этой расы их довольно много, он обиделся и начал выяснять отношения. Потасовку с участием нескольких десятков разумных существ я наблюдал из очередного кафе.

Я прошел мимо охранника, чувствуя на спине подозрительный взгляд. Эскалатор привел меня на подземный этаж, один из многих, благодаря которым функционирует чудовищно огромный механизм под названием космопорт.

Тут сновали люди, никому до меня не было дела.

Стартовые площадки располагаются довольно далеко от здания космопорта. Если пассажиры и экипаж доставляют туда поверху на автобусах, то обслуживающий персонал пользуется подземными коммуникациями, из-за чего носит меж звездолетчиков прозвище «кроты».

Мне предстояло отправиться кротовыми путями.

Пройдя с полсотни метров, я наткнулся на стоянку похожих на игрушечные машинки электромобилей. На таких штуковинах и разъезжают по тоннелям ремонтники, заправщики и прочий обслуживающий персонал.

Управлять электромобилем смог бы даже трехлетний ребенок. Я взгромоздился на неудобное пластиковое кресло и завел доставшееся мне чудо техники. Оно тихо загудело и двинулось.

Подземелья под взлетно-посадочным полем были огромны, и я мог бы блуждать по ним до глубокой старости, если бы не развешенные на стенках тоннелей яркие светящиеся указатели.

Ехал я со скоростью не особенно спешащего человека, на перекрестках еще и притормаживая. Время от времени навстречу попадались другие электромобили, иногда встречались пешеходы. Тоннель то и дело проходил через полости, забитые различными механизмами, грохот стоял, словно в цеху.

Пару раз все перекрыл донесшийся сверху тяжелый рокот. Земля вздрогнула, пол закачался. Один из невидимых отсюда космических кораблей начал далекий путь к звездам.

Первая стартовая площадка, несмотря на номер, располагалась чуть ли не дальше всех. К тому моменту, когда в боковой стене основного тоннеля показалось ответвление со светящейся единицей над ним, я успел заскучать.

Я повернул и через сотню метров остановил электромобиль у дверей громадного лифта, предназначенного для грузов. Рядом притулился второй, поменьше, для людей. Предполетную подготовку давно закончили, и сейчас тут было пусто, как в заброшенном склепе.

Выбравшись из электромобиля, я стер с пульта управления отпечатки пальцев и принался избавляться от маскировки. Комбинезон я бросил на сиденье, модификаторы, накладные усы и бороду положил в чемоданчик.

Незачем оставлять лишние улики.

Двери лифта открылись с легким гулом. Внутри оказалось грязно, как на скотобойне, нос пощекотал запах пыли. Судя по всему, тут не убирались с того дня, как космопорт был построен.

Да и зачем? Пассажиры этого не увидят, а «кротам» к грязи не привыкать.

Кабина двигалась вверх медленно, рывками, а когда остановилась, то из моей груди вырвался вздох облегчения – еще не хватало застрять где-нибудь на полдороге. Выйдя из лифта, я оказался в обширном ангаре с толстыми стенами без окон. Ведущие наружу ворота были заперты, а дверь небольшой калитки я вскрыл выстрелом.

Взлетно-посадочное поле встретило меня ярким светом солнца и сильным ветром. В стороны, сколько хватало глаз, тянулась разбитая на исполинские квадраты серая равнина, там и сям торчали силуэты, похожие на горы из блестящего металла.

Один из них вздрогнул, заставив колыхнуться землю, и медленно пошел вверх. Из его основания ударили струи ослепительно-белого пламени, ушей моих достиг протяжный гул. Мгновение – и звездолет ушел в небо, превратившись в яркую точку. Повисев немного, как особенно наглая звезда, осмелившаяся светить днем, она моргнула и погасла.

Рейсовый звездолет «Пегас-17», на котором мне предстояло отбыть с Земекиса, обнаружился метрах в пятистах. Рядом с ним стоял доставивший пассажиров автобус.

Следовало торопиться.

Чем ближе я подходил, тем больше деталей проступало на огромном конусообразном корпусе. Я увидел вздутия грузовых трюмов, генераторы защитного поля, воинственно торчавшие импульсные пушки, скромно выглядевшие пусковые ракетные установки.

Корабли Федерации, летающие в Смешанный сектор, всегда несут на себе оружие. В любой момент тут можно встретить горячий (в прямом смысле слова) прием от пиратов, вздумавших пополнить кошельки.

Пиратством на этой окраине Галактики промышляли целые планеты.

Дунувший в спину ветер донес обрывок крика. Я оглянулся и увидел, что от ангара, через который я выбрался на поверхность, стремительно приближаются несколько фигур в черной с серебром форме.

Вот дьявол! Служба безопасности, похоже, раскрыла меня!

О том, где и как именно я прокололся, думать было некогда, и я перешел на бег. Ветер свистел в ушах, ботинки колотили по покрытию ВПП. Замерший у трапа стюард с недоумением созерцал мою бегущую фигуру.

Когда мне оставалось с полсотни метров, рядом с ним объявились двое в форме десанта. Направленные в мою сторону излучатели красноречиво сообщали, что это вовсе не почетный караул.

– Что вам угодно? – спросил стюард.

Вместо ответа я вытащил из кармана билет и протянул ему. Пробежка далась тяжело, по спине тек пот, сердце колотило по ребрам изнутри, словно кулаки рехнувшегося боксера.

– Вашу карточку, господин Мак-Нил... да, и разрешение на пистолет, – сканер в руке стюарда не оставил незамеченным оружие под мышкой. – Благодарю. Рады видеть вас на борту. – На лице стюарда появилась улыбка. Какая ему разница, как пассажир добирается до звездолета? Главное, чтобы у него был билет!

В этот момент подобная логика пришлась мне по душе. Взяв карточку дрожащими пальцами, я шагнул мимо посторонившихся десантников.

– Стойте! Стойте! – Парни из службы безопасности космопорта бегали не хуже меня.

– В чем дело? – повернулся к ним стюард.

– Этот человек – убийца!

– Суд вынес приговор по его делу? – Стюард был сама невозмутимость.

Один из десантников быстро говорил что-то в коммуникатор, второй ненавязчиво, но цепко взял меня за руку.

– Э... – охранники переглянулись. – Нет...

– В этом случае он не может считаться убийцей.

– Мы должны его арестовать и имеем на это право!

– Что здесь происходит? – По трапу спускался офицер. В темно-синей форме и белой фуражке, молодой и загорелый, он смотрелся как воплощенная мечта школьницы старших классов.

– Этот человек – убийца! – Особой сообразительностью ребята из службы безопасности не отличались, зато могли переупрямить носорога. – Мы должны его арестовать!

– К сожалению, это невозможно, – пожал плечами офицер. – Он гражданин Земной Федерации, а ступив на трап моего корабля, оказался на ее территории.

Ого! Моего корабля! Да это же капитан! Хотя кому еще решать такие вопросы?

– Он подсуден только законам Федерации. – Капитан смотрел на охранников, как на занятых насекомых. – Ваше правительство может потребовать его выдачи, а наше – рассмотреть ваше требование.

– А если мы попробуем забрать его сейчас?

– Лучше не пытайтесь. – Капитан улыбнулся, один из десантников выразительно повел стволом. – Иначе может возникнуть серьезный межпланетный конфликт.

Глава 4

Вид у земекисцев стал жалкий, словно у куриц, побывавших под водопадом. Что-то бурча под нос и бросая в сторону звездолета полные досады взгляды, они зашагали прочь.

– Все ли пассажиры на борту, господин Разовски? – поинтересовался капитан у стюарда. – Отлично. Тогда готовьтесь к взлету. А вас, господин Мак-Нил, прошу сдать мне пистолет.

– Всенепременно, – ответил я.

Даже если у тебя есть разрешение на оружие, никто не позволит таскать пистолет при себе на столь уязвимой изнутри штуке, как космический корабль.

Расставаться с пистолетом было жалко, в последние дни он не раз выручал меня. Но я все же вытащил его из кобуры и подал капитану рукояткой вперед.

– Хорошо, – сказал тот, – и не слишком спешите в каюту. Мне надо кое о чем вас спросить...

Я сокрушенно кивнул и пошел вверх.

Капитан догнал меня, когда я был уже на борту, в широком коридоре, ведущем от трапа к лифтам.

– Господин Мак-Нил! – прозвучало из-за спины.

Я повернулся и столкнулся с холодным, спокойным взглядом. Первое впечатление меня обмануло – капитан «Пегаса» не был молод, сеточка морщин вокруг глаз выдавала возраст.

– Слушаю вас.

– Имейте в виду, что ответ на этот вопрос не будет иметь никакого практического значения, – сказал капитан. – В данный момент я действую исключительно как частное лицо и вас ни к чему не принуждаю. Но все же ответьте – вы совершали то, в чем вас обвиняют?

– Увы, – развел я руками, – я не могу вам ответить... я просто не помню.

Отвечая так, я ничуть не соврал. В убийстве гангстеров у банка, на окраине и в лаборатории психоаналитика меня пока никто не упрекал, а что до обстоятельств смерти профессора Фробениуса – они в моей памяти не сохранились.

– Вот как? – впервые сквозь маску равнодушия на лице капитана пробилося что-то похожее на удивление. – Занятно. Хорошо, желаю приятного полета.

Каюта, где мне предстояло провести несколько дней от Земекиса до Новой Америки, габаритами напоминала тесный гроб. Все, от кровати до душевой кабины, было складным, убиравшимся в стены.

Подобная обстановка не вызвала у меня особого удивления. Пассажиры для летающих в Смешанный сектор звездолетов – не очень значимый довесок к тому, чем под завязку набиты грузовые трюмы. В полетах по этой области космоса главное не комфорт, а сама возможность передвижения.

По звездолету прокатился мягкий мелодичный звон – сигнал к старту. Я спешно брякнулся на койку, которая тут же изогнулась, принимая форму тела. В голову пришла мысль о том, как явятся сейчас упустившие добычу полицейские Земекиса.

Мысль заставила меня криво улыбнуться.

Вот с этой-то кривой улыбкой меня и застало ускорение. С компенсаторной системой у «Пегаса» было не все в порядке, поскольку мое тело вместе с койкой едва не расплющило о пол каюты. Когда тяжесть ушла, я только и мог, что ругаться шепотом.

Космическое путешествие в любом случае состоит из трех этапов. Первый – старт и путь к точке, где космолет перейдет в подпространство. Для безопасного перехода требуется отойти от крупных источников гравитации, и чем дальше – тем лучше. Второй этап – подпространство. Что это такое, понимает едва ли миллионная часть процента разумных

существ, населяющих Галактику, но одно известно точно – через него можно перемещаться, не двигаясь при этом.

Космический корабль как бы связывает две удаленные на огромное расстояние точки, причем для внешнего мира этот процесс занимает исчезающе малые доли секунды, а внутри звездолета может пройти и день, и два, и несколько недель.

Третий этап – путь от точки выхода до пункта назначения.

До вхождения в подпространство оставалось не менее суток, и это время предстояло банальным образом проскучать. Но я был этим даже доволен, уж чего, а веселья в последнее время мне хватало с избытком. Придя к такому выводу, я встал и принялся разбираться с выдвигаемым душем.

Прежде чем завалиться спать, следовало хотя бы помыться.

* * *

В дверь каюты деликатно постучали.

– Да! – ответил я, отрываясь от чтения увлекательной книги «Основы классификации негуманоидных разумных рас». Библиотека «Пегаса-17» состояла почти из тысячи информационных капсул, но собирал ее очень большой оригинал.

– Господин Мак-Нил, вас просят пройти к капитану. – Голос звучал мягко, но настойчиво. – Сию же минуту...

Вздыхнув, я отлепил информационную капсулу ото лба и встал. За дверью меня поджидали улыбчивый стюард и двое серьезно настроенных десантников. Излучателей у них не имелось, но и без них эти здоровые парни скрутили бы меня в бараний рог за считанные секунды.

– А зачем он меня зовет? – поинтересовался я, шагая рядом со стюардом.

За спиной стучали ботинками десантники, затылок жгли их профессионально свирепые взгляды.

– Не могу знать, – ответил стюард.

Дальше я спрашивать не стал. Будем надеяться, что командиру корабля захотелось перекинуться со мной в шахматы или обсудить проблемы освоения внутренностей планет-гигантов.

Мы прошли коридором, опоясывающим отведенный для пассажиров уровень, и вступили во чрево лифта. Стальная коробка скользнула вверх стремительно и бесшумно, меня слегка вдавило в пол.

– Прошу, – стюард сделал широкий жест.

В рубке звездолета я оказался впервые – по крайней мере, на нынешней, обрезанной памяти – и поэтому с любопытством огляделся. Круглое помещение венчал куполообразный потолок, на который проецировалось изображение, получаемое с носа корабля.

Возникало ощущение, что за тонким стеклом разверзлась черная бездна, заполненная сонмами звезд. Нос «Пегаса» был направлен в сторону центра Галактики, и поле видимости заполняли тысячи алых, белых, желтых огоньков.

Одно из стоявших в рубке кресел повернулось.

– Проходите, господин Мак-Нил. – В голосе капитана звучало все, что угодно, только не радушие.

Я послушно сделал несколько шагов. Когда нет смысла артачиться, я могу быть пай-мальчиком. Ровно до тех пор, пока мне это не надоест.

– Рад вас видеть, капитан. В чем дело?

– Я хочу кое-что вам показать, господин Мак-Нил.

Руки капитана, покоившиеся внутри виртуального пульта, снаружи похожего на шар из сиреневого тумана, задвигались. Повинуясь им, зашевелилось изображение звездной полусферы. Один из ее секторов увеличился, надвинулся, в нем обнаружился невидимый ранее огонек.

В отличие от остальных, он перемещался.

– Вам известно, что это такое? – спросил капитан.

– Нет.

– Это зелаврианский крейсер класса «Вулкан», – любезно пояснил капитан.

Я ощутил недоумение. Объединение Зелавр – одна из самых развитых и сильных цивилизаций нашего района Галактики. Похожие на стройных жаб зелаврианцы вышли в космос, когда человек только осваивал порох, и на всех прочих разумных существ всегда смотрели как на рабов, нынешних или потенциальных. От агрессии их удерживало лишь понимание того, что всех сразу им не одолеть.

Но в Смешанном секторе у Объединения особых интересов не было.

Судя по всему, до сегодняшнего дня.

– Крейсер? – спросил я. – Чего он тут делает?

– У меня есть кое-какие догадки на этот счет, – сказал капитан. – Он появился на сканерах спустя час двадцать минут после нашего взлета с Зекекиса, а полчаса назад мы получили от зелаврианцев вот это...

Руки капитана вновь задвигались, в воздухе возникло изображение – желто-зеленая лягушачья морда с необычайно разумными глазами. Толстые губы зашевелились, издавая приглушенное стрекотание.

Спустя пару секунд включился перевод:

– Приказываем сбросить ход и выдать нам человека по имени Александр Мак-Нил. В противном случае вы будете атакованы. Повторяю, сбросьте ход и выдайте нам...

На голову мне словно вылили ведро ледяной воды. Мало мне полиции и громил Триады, я еще понадобился Объединению Зелавр! И вряд ли для того, чтобы вручить мне тонну золота и оженить на какой-нибудь лягушачьей принцессе, чахнувшей в ожидании человека!

– Э... ну... ничего себе! Дьявол! – Речь у меня получилась краткой и невразумительной. – И что вы собираетесь делать?

– Для начала спросить, зачем вы понадобились зелаврианцам. – По невозмутимости капитан мог соревноваться с айсбергами. – Дальнейшие действия будут зависеть от вашего ответа...

– Если бы я знал! – сказано это было со всей возможной искренностью. Может статься, что когда-то я и имел шашни с представителями Объединения и даже чем-то им насолил, но сейчас я не помнил об этом ровным счетом ничего.

– Очень забавно получается, – капитан приподнял бровь и смотрел на меня с неким отстраненным интересом. – Ко мне на борт попадает человек, за которым гонится полиция Зекекиса... Ну ладно, с кем не бывает. В Смешанном секторе кто только не бедокурит. Но стоит нам выйти в космос, как является крейсер с жабами и предъявляет заявку на того же самого человека. Вы не находите, господин Мак-Нил, что это выглядит довольно подозрительно?

– Нахожу, – покаянно кивнул я. – Безумно подозрительно. Но помочь ничем не могу.

– Это меня настораживает еще больше, – сказал командир «Пегаса», – и заставляет думать, что вы представляете собой какую-то ценность, о которой и сами не знаете...

Я лишь пожал плечами.

– И поэтому, – закончил капитан, – я вас им не отдам.

– Тогда они нападут.

– У нас есть чем защититься. – Командир звездолета повернулся к виртуальному пульту. – Пункт связи? Джонсон, отправьте на крейсер ответ: «Пошли в задницу!» Нет, вы не ослышались, Джонсон, так им и передайте...

Да, капитан «Пегаса» определенно был крут! И образование явно получил не в Академии космического транспорта на Земле, а в одном из военно-космических училищ.

– Откуда только они узнали, что я на борту?

– Это просто, – отозвался капитан. – Во всех новостях Зеमेкиса только и вопят о том, что опасный преступник Мак-Нил удрал с планеты на звездолете «Пегас-17». Крейсер, похоже, прятался где-то неподалеку от планеты и ловил их передачи.

– Интересно, они ради меня одного пригнали сюда боевой корабль? – Я покачал головой. – Надо же. Еще немного – и зазнаюсь.

– Я вылечу вас от зазнайства радикальным методом. – Капитан кивнул на соседнее пустое кресло. – Занимайте место. Крейсер настигнет нас примерно через час, а до входа в подпространство нам осталось час двадцать пять... Вам предстоит увидеть почти полчаса боя.

– Э, а может, я вернусь в каюту?

Оглянувшись, я обнаружил, что десантники никуда не ушли и все так же буравят меня недоброжелательными взглядами.

– Нет уж, вы заварили эту кашу, так что получайте удовольствие по полной программе.

Бои в космосе – штука красочная. В основном для тех, кто смотрит издалека. Участие в подобном увеселении лучше принимать пассивное, спрятавшись в недрах корабля и даже не подозревая, как идут дела.

Мне же предстояло наблюдать схватку воочию, дергаться от страха при каждом выстреле, застывать в ожидании неминуемой смерти, глядя на неумолимо приближающийся вражеский крейсер.

Перспектива вовсе не радовала.

Но деваться было некуда, и я полез в кресло. Оно изогнулось, подстраиваясь под фигуру, лодыжки и пояс обхватили гибкие ленты. Теперь я никуда не денусь при самом хитром маневре, и даже десятикратная перегрузка не сломает мне кости.

Капитан тем временем развил бурную деятельность.

– Объявляйте боевую тревогу, – приказал он помощнику, – и вызовите ко мне старшего стюарда... Да, Джонсон?

Офицер с пункта связи сообщил командиру «Пегаса» нечто, заставившее того улыбнуться.

– Все идет как надо, – сказал капитан. – Ответ зелаврианцев на наше... хе-хе... послание состоит большей частью из слов, которых нет в корабельном словаре. Теперь они разозлятся. А злой враг – глупый враг.

Он готовился к бою так, словно имел под командованием не гражданский звездолет, годный только отбиваться от пиратов, а линкор, способный залпом уничтожить крупный астероид или превратить в дымящиеся развалины город.

Явился старший стюард, получил инструкции, что делать с пассажирами. Люди в рубке «Пегаса» работали в бешеном темпе, проверяя все системы звездолета. Малейший сбой системы жизнеобеспечения или навигации в грядущей схватке грозил стать гибельным.

И только я сидел без дела и смотрел, как растет звездочка, обозначающая на проекции крейсер зелаврианцев. Он медленно, но верно, с неотвратимостью лавины, нагонял нас.

– Ага, отлично, – сказал капитан, когда сенсоры засекли, что противник выпустил первые ракеты. – Проверяют нашу оборону... Включайте защитные поля!

Защитное поле не выдержит прямого удара импульсной пушки и не остановит ракету. Зато прикроет корабль от осколков, которые способны причинить немалый урон, а при удаче – отразит выстрел, пришедшийся по касательной.

Нос и корма изображения «Пегаса», висевшего над виртуальным пультом капитана, окутались серебристой дымкой. Боевые корабли закрывают полем сто процентов поверхности. У нас под защитой оказались только двигатели и жилые отсеки.

– Вот и они. – На сканере появились новые точки. Они перемещались с обманчивой неторопливостью, а на самом деле мчались с чудовищной скоростью. – Сейчас мы их!

Импульсные пушки сработали синхронно. Корабль качнуло, и в космосе расцвели огненные цветы взрывов. Десятка полтора ракет оказались уничтожены, остальные – сбиты с прицела.

Забавно, что название «ракеты» сохранилось за этим видом оружия чуть ли не с двадцатого века, хотя с реактивными предшественницами они имели очень мало общего.

– Почему бы нам не выстрелить в ответ? – предложил я.

– Зачем? – капитан посмотрел на меня, как акула на вздумавшего учить ее плавать головастика. – У нас ракет раз в пять меньше, чем у них... Еще успеем.

Он отвернулся, а я ощутил, как позорно лязгают мои зубы.

Последующие минут пятнадцать стали одним из самых насыщенных периодов в моей жизни, которая, если мерить объемом памяти, была совсем короткой. Рывкал что-то капитан, корпус «Пегаса» вздрагивал при залпах импульсных пушек, металась по проекции десятки разноцветных огоньков.

Я мало что понимал и мог только наблюдать, да еще, сцепив зубы, бороться с обессливающим ужасом.

Потом корабль дернулся, словно лошадь, которой в задницу впился разъяренный шершень. Меня рвануло к потолку, оказавшемуся почему-то внизу, скрипнули страховочные ленты.

Гравитационная компенсаторная система, похоже, сошла с ума.

Изображение звездолета над виртуальным пультом капитана окуталось багровой дымкой. А когда та рассеялась, то алая метка осталась чуть ниже середины конусовидного корпуса.

Где-то далеко, на грани слышимости взвыли сирены.

– Повреждение на пятнадцатом уровне, сектор семь! – рывкнул капитан. – Ремонтная команда, на выход!

В этот самый момент зелаврианцы привели в действие лучевую пушку – оружие, сам принцип которого люди до сих пор не поняли. Мощность вырвавшегося из чрева крейсера луча во столько же раз превосходила обыкновенный лазер, во сколько тот превосходит солнечный луч.

– Ы! – только и смог сказать я, трясущимся пальцем указывая на чиркнувшую по проекции ослепительно-белую линию.

– Промазали, жабы! – торжествующе крикнул капитан. – Включай «протыкач»!

Проекция звездной полусферы мигнула, точно исполинский глаз, и на ней появилось бесформенное серое пятно, похожее на комок очень старой и плотной пыли, непонятно как попавший в космос.

Именно в это серое ничто и стремился «Пегас-17».

– Оставшимися ракетами – пли!

Капитан жутко рисковал. Отклонись звездолет от курса во время последнего залпа хотя бы на десятую часть градуса, он выйдет из подпространства совсем не у Новой Америки, а черт знает где, может быть, даже в недрах сверхновой...

Корабль мягко вздрогнул всем колоссальным корпусом, от носа до кормы, и в тот же миг изображение исчезло. С этого момента и до того, как звездолет выйдет в обычное пространство, от камер не будет никакой пользы.

Как и от всех остальных приборов.

– Уф, прорвались, – сказал капитан, поворачиваясь ко мне. Его гладкий лоб покрывали бисеринки пота, а в голубых глазах плясало веселье. – Клянусь всеми богами Галактики, давно я так не развлекался!

– Ага, – глубокомысленно кивнул я, тщетно пытаюсь понять, что именно со мной случилось. Страх ушел, на смену ему явилось опустошение. Хотелось убраться куда-нибудь в темный уголок и там поспать.

– С того самого года, как мы сожгли тот корабль у Урсана.

Впору было удивляться. Капитан обычного рейсового звездолета оказался причастен к одному из самых скандальных инцидентов последнего десятилетия. Тогда, наткнувшись на звездолет неизвестной разновидности, патрульный крейсер атаковал его и превратил в пыль.

После того как пострадавшие иссекайцы через посредников пригрозили уничтожить Землю и основные колонии, пришлось долго и униженно извиняться, а проштрафившихся офицеров подвергать показательному суду.

Как видно, подвергать не всех. Или очень уж показательному.

– Мне придется писать рапорт о случившемся, – сказал капитан. – Как мне кажется, лучше списать все на пиратов, действовавших под прикрытием флага Зелавра. Все равно жабы никогда не признают, что крейсер имел место... О вас в рапорте не будет ни слова.

– С чего такая доброта? – вяло удивился я.

– Вы доставили мне развлечение, равного которому у меня не было много лет, – командир «Пегаса» вздохнул почти печально, – и еще много лет не будет... А сейчас, господин Мак-Нил, вам лучше вернуться в каюту и отдохнуть.

Державшие меня ленты втянулись на место, я сполз с кресла и, ощущая себя медузой, которую кто-то по недоразумению научил ходить, зашагал к лифтам.

* * *

– Надеюсь, что вам понравился наш полет? – старший стюард, провожавший пассажиров около трапа, сиял, точно надраенный ботинок.

– О да! – сказал я, почти не покривив душой. – Такое долго не забывается. Привет капитану...

– Обязательно, господин Мак-Нил. Не забудьте ваш пистолет... – Нет, этот тип надо мной все же издевался!

Едва я сделал шаг, в лицо ударил холодный ветер, щедро сдобренный кристалликами снега, тело охватил мороз. По трапу пришлось бежать рысцой. В просторном чреве автобуса оказалось блаженно тепло, а добравшиеся до цели путешественники смеялись и оживленно переговаривались.

Машина автобуса, в окна которой безуспешно царапалась метель, колыхнулась и бесшумно двинулась. На Новой Америке царила ночь, и здание космопорта сияло сквозь тьму, точно громадный полый торт, утыканный свечами не только снаружи, но и внутри.

Пока автобус вез нас через разрываемую ревом и вспышками пламени тьму взлетно-посадочного поля, я размышлял, что делать дальше. Новая Америка – первая колония Земли, основанная больше четырехсот лет назад, планета на редкость негостеприимная – холодная и снежная.

Людей привлекло сюда обилие редких элементов.

Три сотни лет Новая Америка использовалась как планета-шахта и военная база, плацдарм для наступления в космосе, которое молодая Федерация полагала основой выживания. В последнее столетие, когда зона влияния человека расширилась, Новая Америка стала громадным транспортным узлом.

Ежедневно тут садились и взлетали десятки звездолетов, и то, что я прилетел в Смешанный сектор именно с этой планеты, не значило ровным счетом ничего. Скорее всего, она была лишь перевалочной базой.

Куда мне двигаться дальше? На Землю? Или оставаться здесь и ждать?

Увы, память, точнее, ее жалкие остатки, ничем не могли мне помочь.

Автобус остановился, прервав поток не очень веселых мыслей. Пришлось выбираться из кресла, бежать короткую (к счастью!) дистанцию до гостеприимно распахнутых дверей, а потом готовить документы и вещи для таможенного досмотра, а также собственный организм – для досмотра биологического.

Обследованию на предмет вирусов, паразитов и прочей дряни подвергаются все граждане Федерации, побывавшие за ее пределами. Кто знает, какую гнусность можно привезти из Смешанного сектора?

Вещей у меня не оказалось, и это несколько удивило работавшего со мной таможенника.

– Чем это вы там занимались? – спросил он, с подозрением глядя в мое честное до отращения лицо.

– Небольшой бизнес, – сказал я, почти не соврав: убийство – тоже бизнес. – Зачем таскать с собой кучу шмоток?

– Ну-ну, – сказал он и взял в руку непонятную штуку, добытую мной на Зеmekисе. – А это что? Оружие? У вас разрешение только на пистолет.

– Что вы, какое оружие? – возмутился я, словно монахиня, которой кто-то залез под подол. – Поделка, безделушка, игрушка. Хотите, я из нее выстрелю?

– Нет, не надо. – Блеф мой удался, таможенник отложил диковинное устройство. – Заплатите только пошлину за ввоз сувениров, – он выразительно поглядел на меня, – и все у нас будет хорошо...

Мы отлично поняли друг друга. Дальше я прошел без некоторого количества федей, зато сохранил штукенцию, которая, вполне возможно, станет ключом к дверце в мое прошлое.

Биологический осмотр – процедура малоприятная. Сравнить его можно разве что с одновременным обследованием у проктолога, уролога, отоларинголога и гастроэнтеролога. Каждый из них всунул диагностический шуп в интересующее его отверстие, а ты лежишь и даже дышать боишься.

И все это развлечение продолжается несколько часов.

Из медицинского кабинета я вышел, ощущая себя изнасилованным сразу во все дырки. Никакой пакости в моем организме не обнаружилось, но это известие после длительных пыток радовало мало.

Если пассажирский терминал на Зеmekисе показался мне в сотни раз увеличенным сумасшедшим домом, то на Новой Америке он напоминал охваченный эпидемией бешеной активности город. Все носилось, бегало, шумело и вопило, создавая впечатление карнавала серьезных придурков.

И ведь таких терминалов на Новой Америке около двух десятков!

Не успел я сделать несколько шагов среди толпы, как меня чуть не сшибли с ног. Пытаясь не свалиться под тележку, увенчанную маленьким Эверестом из чемоданов, я ощутил, как завибрировал на руке универсатор.

После некоторых усилий мне удалось пропихаться в сравнительно тихий уголок. Там я мог спокойно выяснить, по какому поводу оживился украшающий мою руку прибор. На его экране, в самом углу, появился значок ГеоКом – мощнейшего оператора универсальной связи в пределах Федерации, а ниже, в самом центре, – яркая надпись: «Босс, тебе пришло сообщение».

Ну ладно, посмотрим, кто и что мне пишет.

С некоторым трепыханием сердца я приступил к чтению. Но отправитель спрятался за номером цифрового терминала общественного пользования, воспользоваться которым может любой, а само сообщение вовсе не содержало признаний в любви или хотя бы моей биографии.

«Хранилище 17, камера 1260, код 4511» – вот и все, что я прочитал.

Вот дьявол! Еще одна загадка! Как будто их мало скопилось в моей голове за последнее время! Там образовался целый рой неразрешенных вопросов, жужжанием не дающий мне жить спокойно!

Но эту загадку, в отличие от прочих, имелась возможность разгадать. Вряд ли мне прислали подобное сообщение, чтобы я отыскал в нем глубокий философский смысл.

Так что я отправился на поиски хранилища номер семнадцать. Искать долго не пришлось, и вскоре я стоял перед ячейкой, на дверце которой красовались цифры 1260. Оглядевшись для приличия и не заметив ничего подозрительного, я набрал на замке код. Дверца щелкнула и открылась. Внутри обнаружился самый обыкновенный конверт из непрозрачного пластика.

После тщательного исследования его внутренностей у меня в руках оказался билет на рейс Новая Америка – Химават на мое имя, а также кусок пластика с длинным номером – судя по всему, телефонным.

Ну, ничего себе! И что все это значит? Что я должен отправиться на Химават – я посмотрел на универсатор – через восемь часов и там позвонить по этому номеру? Ох, как сейчас бы мне пригодилась память! Увы, она по-прежнему существовала отдельно от меня, и приходилось полагаться только на логическое мышление, которое без жизненного опыта немного стоит.

Витиевато выругавшись, я побрел к выходу из хранилища. До отлета оставалось еще много времени, и я собирался провести его весело, то есть банальным образом напиться.

В конце концов, сколько можно напрягаться? Пора и расслабиться!

* * *

– Цель вашего визита на Химават?

– Деловая, – ответил я, не покривив душой. Будь у меня там родственники, они вряд ли пригласили бы меня в гости столь экстравагантным способом, а соврать про отдых мешало отсутствие путевки.

Расслабление прошло успешно, во внутренностях моих плескалось некоторое количество виски, и на мир я смотрел через розовые контактные линзы, снятые, похоже, с телескопа. Даже таможенный досмотр, на внутренних рейсах не такой суровый, как на внешних, но все же достаточно неприятный, казался мне досадной мелочью.

– Позвольте ваше разрешение на оружие.

– Пожалуйста.

Чиновник погрузился в изучение документа, а я от нечего делать огляделся.

У соседней стойки проходила досмотр молодая женщина. Невысокая, с прекрасно развитой фигурой шатенка, она притянула мой взгляд словно лампа – ночного мотылька. Крас-

ное облегающее платье подчеркивало все, что надо, настолько эффектно, что в горле у меня пересохло.

– Господин Мак-Нил! – То, что таможенник что-то говорит, до меня дошло не сразу.

– А? Да? Что?

– Возьмите ваше разрешение и, будьте добры, проходите на посадку.

Незнакомка в красном платье прошла досмотр, и мы с неизбежностью не разошедшихся поездов столкнулись у входа в тоннель, ведущий из зоны посадки к автобусам.

– Только после вас, – сказал я, пыша любезностью, как доменная печь – жаром.

– Благодарю. – Она улыбнулась необычайно скромно и спокойно для такой яркой внешности. Обычно подобные дамочки скалят зубы нагло, точно бросают вызов всему миру. Эта хоть и явно знала себе цену, не спешила вывесить ценник на видное место.

Она шла впереди меня, неторопливо и спокойно, без всякого вихляния задницей, к которому прибегают желающие произвести впечатление девицы. В двухэтажный автобус мы вошли вместе, но она осталась внизу, а я полез наверх.

Нет, не хватало еще увлечься кем-то! С провалами в памяти, а точнее, с одним громадным провалом на ее месте, это делать довольно опасно. Кто знает, может быть на самом деле я убежденный женоненавистник или ярый гомосексуалист?

Звездолет «Денеб-2», на котором мне предстояло отправиться к Химавату, отличался от «Пегаса-17» так же, как мощный катер от утлой лодчонки. Громадный пассажирский лайнер высился над взлетно-посадочным полем горой сверкающего льда. Восходящее солнце Новой Америки, белое и тусклое, рассыпало по его обшивке многочисленные блики. Вместо трапа тут имелся выдвижной эскалатор, а стюарды щеголяли в белоснежных кителях.

Я ощутил себя важной персоной, когда меня под локоток проводили до каюты.

Внутри царила роскошь, способная посрамить дворцы древних земных владык. Аскетическую обстановку простых звездолетов тут можно было вспоминать лишь как страшный сон. Пол устилали толстые яркие ковры, а светильники были сделаны в виде факелов.

Каюта, рассчитанная на меня одного, больше походила на вместительный гостиничный номер.

«Неплохо», – подумал я, разглядывая широкое ложе, экран стереовизора и даже имитацию окна в одной из стен – достаточно выбрать нужную программу, и за «окном» будет медленно проплывать пейзаж, словно ты летишь не в холодной убийственной пустоте, а неторопливо перемещаешься по поверхности какой-нибудь планеты.

Все объяснялось просто. Химават – известнейший в Федерации курорт, одна из немногих планет, не изуродованных цивилизацией и одновременно безопасных для человека. Земные корабли появились там сотню лет назад и обнаружили две (случай уникальный!) разумные расы, пребывавшие между рабовладением и феодализмом и совершенно ничего не знавшие друг о друге.

Опыт обращения с менее развитыми народами на Земле копили аж с эпохи колониальных империй, так что проблем с освоением планеты не возникло. Аборигены под прицелом излучателей дружно согласились вступить в Федерацию, став ее полноправными гражданами.

К их счастью, полезных ископаемых на Химавате было мало, стратегического значения планета не имела, так что ее почти не тронули. Создали резервацию наоборот – курортную зону, предназначенную исключительно для людей, и этим ограничились.

Чтобы отдохнуть на изумительно чистых пляжах у лазурного моря Химавата, требовалась сумма в несколько тысяч федей, так что на бедняков летавшие туда лайнеры рассчитаны не были.

Мне предстояло путешествовать с комфортом.

Первым делом я самым тщательным образом обыскал новое обиталище, заглянул во все укромные уголки. К удивлению, подслушивающих устройств или камер слежения не нашел. Понятное дело, их могли установить так, что без специального оборудования не обнаружишь, но с наличием подобным образом размещенных шпионских устройств мне оставалось только смириться.

Кроме того, я нашел отличный тайник – решетка, закрывающая вентиляционное отверстие, держалась едва-едва. Я с чистой совестью отогнул ее и спрятал туда привезенный с Зекекиса непонятный прибор. После этого мне удалось вернуть решетке первоначальный вид.

Закончил возиться, когда мягкий женский голос из динамика коммуникационной системы звездолета сообщил, что до старта осталось четыре минуты и что пассажирам необходимо принять лежащее положение.

Я плюхнулся на кровать, на которой убралось бы трое, и принялся размышлять по поводу того, кто следующий проявит ко мне нездоровый интерес. Инопланетяне уже были, мафия была. Оставались разве что агенты каких-нибудь спецслужб вроде Федерального Разведывательного Управления или полумифической СЭС, да еще представители тайных экстремистских организаций, типа «Крестоносцев Ислама» или «Детей Майтрейи»...

Старт прошел настолько мягко, что я его почти не ощутил. Тяжесть ускорения возникла всего на мгновение и тут же пропала, оставив пьянящую легкость – для удобства пассажиров на звездолетах такого класса гравитацию устанавливали на уровне семидесяти процентов от земной.

Все тот же женский голос сообщил, что лежать дальше не обязательно.

Вскочив, я избавился от костюма и отправился в душ. Как бы ни складывались дела, чистота – штука важная. Даже в том случае, если в голове у тебя пусто, а на задницу нацелилось неопределенное количество злодеев.

* * *

Стук в дверь оторвал меня от поучительного занятия – просмотра эротического фильма. По корабельной сети транслировались несколько каналов, я перещелкал их и решил, что пора бы вспомнить хотя бы собственную сексуальную ориентацию.

Судя по нормальной реакции на голых грудастых дамочек, с ней было все в порядке.

– Да? – спросил я, не отрывая взгляда от экрана, где блондинка с глазами невинной школьницы избавлялась от остатков одежды.

Клянусь Мировым Разумом, делала она это не зря!

– Господин Мак-Нил, – промурлыкали из-за двери, – не забудьте, что через тридцать минут для пассажиров первого класса состоится торжественный ужин по поводу взлета.

– Спасибо за напоминание, – ответил я.

Вот дьявол, совсем забыл! Пассажир, путешествующий в столь роскошной каюте, имеет еще и обязанности, начиная с посещения всякой хрени вроде торжественных ужинов...

Ладно, придется идти. К тому же в желудке ощущалась довольно неприятная пустота. Я с сожалением оторвался от созерцания блондинки, без одежды выглядевшей много лучше, чем в ней, и занялся собственным костюмом.

На ужин, как я помнил, положено являться во фраке. Дурацкая древняя мода!

Выручил меня, как обычно, трансформер, в котором нашелся подходящий режим. Спустя пять минут я имел в распоряжении черный, безупречно выглаженный фрак. Сидел он на мне, правда, чуть-чуть мешковато, но с этим ничего нельзя было поделать.

Выбритый и причесанный, я стал несколько больше походить на светского льва. Примерно так же, как мышь на корову – и у той и у другой по четыре конечности.

– Ничего, – сказал я отражению в зеркале, – если кому-то я не нравлюсь, то это его проблема.

Отражение спорить со мной не стало.

В ресторан, где должен был состояться ужин, я явился одним из последних. Метрдотель, высокомерный, словно дюжина принцев, проводил меня к столику, рассчитанному на двоих.

За ним уже сидела та самая симпатичная девица из космопорта.

– Привет, – сказал я, ощущая некий душевный трепет. Возможно, я путался с тысячами женщин, но в памяти об этом не сохранилось ничего. Так что соседка по столику стала первым существом женского пола, с которым мне предстояло непринужденно общаться.

– Привет, – ответила она, улыбаясь мило и чуть застенчиво, – меня зовут Диана. А тебя?

Я едва успел представиться, как в помещении объявился капитан. Лощеный, с седой бородкой, он выглядел подобно античному богу. На синем кителе сверкало золотое шитье, а глубокий баритон звучал мужественно и красиво.

– Дамы и господа, – проникновенно сказал капитан, и в руке его будто сам собой возник бокал с шампанским. – Мы рады приветствовать вас на борту нашего лайнера...

Из-за моего плеча с бесшумностью хорошо обученного привидения возник официант. Держа завернутую в салфетку бутылку нежно, как недоношенного младенца, он принялся наполнять наши бокалы – а они были из настоящего хрусталя – золотистым сверкающим напитком.

Содержание капитанской речи я взялся бы предсказать, не опасаясь побивания камнями, – добро пожаловать на борт, надеемся, что вам понравится, и прочая словесная шелуха, выдаваемая за радушие.

Хотя за деньги, которые зарабатывает этот бородатый тип, я бы тоже стал радушным.

К счастью, речь оказалась недолгой и завершилась тостом. Мы выпили и перешли к еде. А тут было где разгуляться! Одних салатов предлагалось штук пять. Поскольку я не умею ограничиваться парой ложек, то с тоской похлопал себя по животу, предвкушая, что для десерта там может не найтись места.

– Что, боитесь остаться голодным? – Диана озорно сверкнула глазами.

Они у нее были темными, цвета крепкого чая, и очень красивыми.

– А как же! – согласился я. – Тут впору распухнуть от недоедания.

– Не стоит вам распухать. – Меня одарили многообещающей улыбкой. – Мне нравятся стройные мужчины.

Спустя пять минут мы болтали непринужденно, как старые приятели. Я узнал, что она по профессии – дизайнер, родом с планеты Чезарини, одной из старейших колоний, что выбралась оттуда первый раз, а билет и вообще эту поездку выиграла в лотерею...

Отмалчиваться я не мог, правды о себе рассказать тоже, даже если бы захотел, так что невольно приходилось выдумывать. Не покраснев и квадратным миллиметром физиономии, я сообщил, что родом с Земли (может, оно и так), занимаюсь бизнесом (судя по доходам, это возможно), а на Химават лечу по делам (и тут почти не соврал).

Если даже Диана мне не поверила, то виду не показала.

Глава 5

– Как насчет того, чтобы потанцевать? – предложила она после горячего.

Я заколебался. Слух наш услаждал игравший классический оркестр, и несколько пар кружились на площадке в центре ресторана. О своем умении танцевать я помнил ровно столько же, сколько обо всем прочем, и поэтому предполагал самое худшее.

– Я не уверен, что умею, – такой ответ мог выиграть чемпионат Вселенной по уклончивым фразам.

– А вот сейчас и выясним, – рассмеялась Диана и протянула мне руку.

Мужчина не имеет права отказаться от подобного предложения. Так что я смирился с неизбежностью грядущего позора и потащился за Дианой, словно ведомый на веревке козел, ради шуток облаченный во фрак.

– Не бойся, – шепнула она, – ничего страшного в этом нет... Просто следуй за моими движениями...

Оркестр грянул вальс, и мы закружились. К моему удивлению, я показал себя не с самой худшей стороны. Должно быть, когда-то я занимался танцами и сейчас вполне сносно успевал за партнершей, благодаря милости Мирового Разума ухитряясь не наступать ей на ноги.

Музыка гремела, и в такт ей билось мое сердце. Все вокруг кружилось и сверкало, и я даже начал чувствовать, что получаю от танца удовольствие. Диана посматривала на меня и улыбалась, я ощущал, как она тесно прижимается ко мне, сладкий запах духов обволакивал меня.

Мы словно слились в одно существо, способное только кружиться, кружиться и кружиться под вальс, написанный сотни лет назад...

И умереть, когда он закончится.

– О, это... – сказала Диана, когда мы остановились. В голосе ее появилась хрипотца, а щеки покраснели, – это было не так плохо. Ты просто скромничал.

– Я превзошел сам себя, – мне осталось только пожать плечами. – Не ожидал от себя такой прыти... Это все ты виновата. С такой партнершей просто стыдно выглядеть олухом.

– Тогда, может быть, продолжим? – Оркестр заиграл танго.

– Боюсь, что в этом случае твое мнение обо мне испортится. – Уверенности, что справлюсь с танго, я не испытывал.

За столиком нас ждал десерт. После танцев бисквитный торт пошел очень хорошо.

– Ну что, нет желания продолжить вечер? – спросил я, когда с ужином было покончено.

– Можно, – ответила Диана с лукавой улыбкой. – Пригласишь даму в гости?

– О чем разговор. – В этот момент я ощущал себя чуть ли не Дон Жуаном. Виной тому было немалое количество выпитого.

Мы прошли к выходу и выбрались на лифтовую площадку, где нас ожидал сюрприз – скопившаяся у лифтов толпа.

– Пойдем пешком? – предложил я. – Так получится быстрее.

Диана согласилась, и мы под ручку затопали вниз по лестнице. От выпитого меня слегка покачивало, но голова оставалась ясной.

– Так, вот мы и пришли, – сказал я, открывая дверь каюты.

И здесь, к моему стыду, выяснилось, что я забыл выключить стереовизор. Диана с любопытством уставилась на экран, где двое молодых людей предавались тому греху, за который еще библейский бог устраивал катастрофы планетарного масштаба.

– Ого, вот чем развлекаются настоящие мачо, – сказала она, ехидно поглядывая на меня.

– Э... ну... оно само включилось, – без особого старания оправдывался я. – Хочешь еще шампанского?

– Конечно. – Она присела на краешек кровати.

Я связался со службой сервиса, и вскоре в дверь постучали. Стюард отдал мне поднос, отягченный бутылкой шампанского в ведерке со льдом, парой бокалов и вазочкой с шоколадными конфетами.

– Расскажи мне про Землю, – попросила Диана. – Какая она? Я там никогда не была, а предки улетели оттуда почти двести лет назад...

К такому повороту разговора я оказался совершенно не готов. Понятное дело, что я знал о Земле, но вот никаких ЛИЧНЫХ воспоминаний, на основании которых положено строить такие рассказы, у меня не было.

Вряд ли Диана оценит, если я перескажу ей статью из энциклопедии.

– Ну... – Замешательство удалось скрыть за манипуляциями с шампанским. Я сделал вид, что страшно занят разливанием вина. – Она такая... красивая... Она так же превосходит другие планеты, как ты – прочих девушек.

Комплимент вышел не самый удачный, но с его помощью мне удалось выиграть время.

– Она... как бы это сказать... – Я вручил Диане бокал и уселся возле нее. – Там все такое старое, застывшее, все, что построено в древности, тщательно сохраняется... Можно увидеть, как жили наши предки. Но зато там мертво и спокойно, не то что в колониях, где все бурлит и развивается...

– Да, хотела бы я там побывать... – Она чуть разжала пальцы, бокал проскользнул.

Я дернулся, пытаясь подхватить его, мы чуть не столкнулись головами, и в следующее мгновение я с удивлением обнаружил, что участвую в поцелуе.

На пол брякнулись оба бокала.

В некотором роде это был первый в моей жизни поцелуй. Судя по тому, что Диана не отстранилась, а руки ее скользнули мне на спину, в нем я показал себя не с худшей стороны. Я тоже времени даром не терял. Платье кремового цвета, почти сливавшееся с ее загорелой кожей, оказалось легко снять. Когда оно было отброшено, я не удержался от восхищенного вздоха.

Если Диана и уступала девицам с эротического канала, то очень немного!

А еще, как выяснилось чуть позже, она оказалась невероятно сильной. Временами я ощущал, что не предаюсь любовным утехам, а участвую в борцовском поединке. Но очень приятном, надо сказать.

После первого раунда я почувствовал себя измученным.

– Пожалуй, надо выпить еще шампанского. – Лежа на спине, она сладострастно выгнулась. Крупная грудь приподнялась, и я ощутил, как по телу побежали мурашки, а в горле мигом пересохло.

Я не помнил, были ли у меня настолько красивые женщины, но сильно в этом сомневался.

– Сейчас. – Я потянулся за бутылкой и только тут вспомнил, что бокалы валяются на полу. – Только придется пить из горлышка.

– Ничего, это не страшно. Так даже веселее. – Диана приняла от меня бутылку, запрокинула голову.

Шампанское лилось золотистой струей. Почему-то то, как она пьет, показалось мне самым красивым, что я видел в жизни.

– Что там в коридоре? – На лице Дианы появилась тревога. – По-моему, кто-то кричал.

Я невольно обернулся и прислушался. За дверью было тихо, как в могиле, зато краем глаза я заметил какое-то движение. Моя подруга что-то сделала, очень-очень быстро. Но когда я повернулся, она сидела в той же позе, держа бутылку перед собой.

– Все тихо, – сказал я успокаивающе.

– Тогда ты выпей тоже и продолжим, – она протянула шампанское мне.

Пить я больше не хотел, к тому же что-то в ее взгляде, ставшем вдруг очень цепким, насторожило меня. Но отказываться было неудобно, я поднес бутылку к губам и сделал несколько глотков.

– А теперь иди ко мне. – Голос Дианы звучал игриво, но глядела она на меня как охотник на жертву.

Я потянулся к ней и ощутил, как наливаются тяжестью мускулы. Веки словно схватили и потянули вниз, я ощутил, что со страшной силой хочу спать. Перед глазами поплыло.

– Эй, что с тобой? – Голос Дианы доносился словно из-за стены, приглушенно. – Ты слишком много выпил?

Я ощутил, как голова моя падает на подушку, как закрываются глаза.

– Алекс, что с тобой? Ты спишь?

Я все слышал, но ответить не мог. В голове с трудом ворочались вялые, как лещи зимой, мысли – то ли я настолько отвык от спиртного, то ли устал... а может быть, Диана подсыпала чего-нибудь в вино? В тот момент, когда я отвернулся.

Даже если это было так, сознания до конца я не лишился. Шевелиться и говорить вряд ли смог бы, как и поднять веки, но вот уши работали великолепно: скрипнула кровать – Диана встала.

Я лежал и слушал, как она ходит по комнате, легко, почти бесшумно, как заглядывает в шкафы, обшаривает тумбочку около кровати, роется в карманах, обследует ванную. Это очень походило на обыск, но могло быть проявлением обыкновенного женского любопытства. Я ощущал себя бревном с ушами, сил не хватало даже на то, чтобы возмутиться, не говоря уже о том, чтобы пошевелить рукой или ногой.

Вентиляционное отверстие Диану, к счастью, не заинтересовало.

– Спи, мой дорогой. – Я почувствовал на щеке теплое дыхание, прикосновение губ. – Думаю, что мы еще увидимся...

Зашуршало платье, хлопнула дверь, я остался один. Я еще некоторое время сопротивлялся охватившей тело тяжести, но потом она взяла верх. В голове что-то квакнуло, и я с гулом провалился во что-то черное и мягкое. Как стало ясно позже – всего лишь в сон.

* * *

По поводу выхода из подпространства был запланирован еще один торжественный ужин. Выбритый и вымытый, я как раз выбрался из душа и собрался заняться превращением костюма во фрак, когда в дверь постучали.

– Да? – спросил я недовольным тоном олигарха, окликнутого нищим бродягой.

– Господин Мак-Нил, вас просит к себе капитан.

У меня возникло четкое ощущение дежавю. Все это происходило совсем недавно, разве что на «Пегасе-17» фраки если и видели, то лишь в страшных снах, а за торжественный ужин почитали пиво с пиццей.

– Сейчас иду, – я на мгновение заколебался.

Шестое чувство, обиталище которого помещается пониже спины, просто вопило об опасности. Что-то подсказывало мне, что в каюту я могу не вернуться. А значит, следовало забрать все, представляющее для меня ценность.

К ожидающему в коридоре стюарду я вышел в спортивном костюме, а карман оттягивал извлеченный из тайника артефакт с Земекиса.

– Ну что, пошли? – сказал я, игнорируя отвисшую челюсть сопровождающего. – Где там ваш капитан?

– Следуйте за мной, – стюард подобрал челюсть.

Пассажир первого класса может позволить себе не то что спортивный костюм, а юбочку из листьев или наряд сибирского шамана.

Когда мы достигли лифта, огромный корабль содрогнулся, меня швырнуло на стену. Рядом шмякнулся на пол стюард.

– Что происходит? – рывкнул я, стараясь перекрыть взывшие где-то на нижних уровнях сирены.

– Не знаю. – Глаза сопровождающего наполнились страхом, зубы отчаянно лязгали.

– Тогда веди к капитану.

Второй толчок случился, когда мы почти достигли рубки. На этот раз я устоял на ногах, а стюард расквасил бы себе нос об пол, если бы я не ухватил его за руку.

– Спасибо, – прошептал он, тщетно пытаясь сохранить надменный вид. – Господин капитан, к вам господин Мак-Нил.

Лощеный полубог в темно-синем кителе выглядел сейчас вовсе не так уверенно, как во время торжественного ужина. Лицо его было белым, в глазах читалась нерешительность.

– Господин Мак-Нил, – сказал он, не вылезая из кресла, – должен вам сообщить, что мы атакованы зелаврианским крейсером...

«Вот дьявол! – выругался я про себя. – Жабы! Только их тут не хватало!»

– И что?

– А то, что, если мы не отдадим им вас, они грозят взорвать «Денеб». По нам произведены два предупредительных выстрела.

Ах, вот почему трясло звездолет! Но откуда эти твари пронюхали, куда именно я отправился с Новой Америки? Не иначе у них есть агентура среди людей... Но что мне-то делать? «Денеб» не «Пегас», для крейсера он представляет огромную мишень, в которую попасть не сложнее, чем в планету.

– Я не испытываю особого желания угодить в лапы к этим тварям. Может быть, мы успеем приземлиться?

– До посадки несколько часов, но она нас не спасет, – вздохнул капитан. – На Химавате есть лишь несколько корветов и никакой противокосмической обороны...

Ясно, планета беззащитна перед зелаврианским «Вулканом».

– Жизнь сотен людей важнее, чем ваша свобода, – командир «Денеба» глянул на меня со скорбью, – но я предполагал, что вы будете сопротивляться... Мистер Хон, произведите арест...

Ко мне шагнули двое типов из службы безопасности звездолета, до сего момента скромно стоявших у стеночки. Руки их были свободны, но на поясе у каждого висел парализатор – оружие не очень мощное и дальнобойное, но незаменимое в случае, если ты хочешь всего лишь обездвижить противника.

Эх, где мой верный пистолет? Понятное дело, в сейфах «Денеба»!

Но ничего, так я им не дамся.

– А может, не надо? – Я шагнул в сторону, изображая отчаявшегося, охваченного страхом человека. – Скажите им, что я умер.

– Увы, это не пройдет, господин Мак-Нил.

Типы из службы безопасности приближались ко мне. Одинаково скуластые и узкоглазые, с бесстрастными гладкими лицами, они выглядели точно братья, а может быть, ими и являлись.

Но когда я неожиданно врезал по шее одному из них, бесстрастие сдуло с лиц обоих. У пострадавшего оно сменилось гримасой боли, у второго – безграничным удивлением. Он лапнул парализатор, но вытащить из кобуры не успел. Мой кулак врезался ему точно

в челюсть, по руке стегнула резкая боль. Не обращая на нее внимания, я добавил левой и повернулся к первому противнику.

Тот успел встать в какую-то хитрую стойку, но помогла она ему так же, как змее – рога. Еще ни одна стойка в мире не спасала от нацеленного пинка в пах. Воющий охранник покатился по полу.

– Счастливо оставаться, капитан, – сказал я, вытаскивая из кобуры поверженного врага парализатор. – Надеюсь, что вы уговорите жаб не уничтожать ваш звездолет...

Прощальная речь вышла просто замечательной, и я даже погордился ей. Ровно пять минут, пока не спустился на пассажирский уровень.

Тут царил паника. С воплями носились пассажиры, их тщетно пытались успокоить стюарды, сами толком не знавшие, что именно происходит. Распихивая суесящихся людей, я двинулся по коридору.

Путь мой лежал к одной из спасательных капсул – единственному шансу уцелеть.

– Стой, ты куда? – Когда меня схватили за руку, я едва не нажал спусковой сенсор.

Диана смотрела на меня вопросительно. Она не выглядела испуганной, даже встревоженной, а в комбинезоне из блестящей ткани смотрелась не менее соблазнительно, чем в вечернем платье.

Я с трудом отогнал неприличные мысли.

– Улаживаю свои дела, – ответил я довольно фальшиво, – и ужасно тороплюсь...

После торжественного ужина мы проводили вместе каждый вечер на «Денебе», но возникшие во время первого свидания подозрения не давали мне до конца поверить в бескорыстие ее интереса ко мне.

Как ни крути, а она зачем-то обыскивала мою каюту!

– С парализатором? – Взгляд Дианы стал серьезным. – И торопишься? Корабль в опасности?

– Ну, как бы да. – Спорить было бесполезно. Судя по всему, она догадалась, куда именно я стремлюсь.

Редкое сочетание – к прекрасной внешности еще и мозги. Что-то тут нечисто.

– Тогда я с тобой. – Диана приняла решение без обычных для женщины колебаний, эмоциональных взрывов, оценив ситуацию в считанные секунды.

И у меня не хватило духу обречь ее на гибель.

– Тогда идем. – Я почувствовал себя малодушным типом, которым вертит женщина. Утешаться оставалось только тем, что женщина эта сильная, умная и красивая.

Мимо неприметного коридора, ведущего к спасательной шлюпке, мы чуть не проскочили.

– Нам сюда, – сказала Диана, когда я собирался бежать дальше.

– Ты уверена? – Мужское самолюбие вякнуло, что женщина не может разбираться в устройстве космических кораблей лучше меня.

– Еще как.

Я послал самолюбие подальше. Для того чтобы его потешить, найдутся более веселые минуты.

Когда мы достигли шлюза, корабль вздрогнул еще раз. Похоже, капитану не удалось убедить зелаврианцев, что он не в состоянии выдать им некоего Александра Мак-Нила, и те начали очередной сеанс устрашения.

Мы по очереди протиснулись в узкое отверстие.

Спасательная шлюпка напоминала выдолбленный огурец. Рассчитанная на две дюжины человек, она представляла собой настоящий маленький корабль. Спасшиеся с лайнера пассажиры могли провести в нем несколько недель, не испытывая голода, жажды и

недостатка кислорода. Довольно мощный двигатель позволял пару раз слетать от Земли до Плутона, а передатчик – вопить на весь космос «Спасите наши души!».

Пока я задраивал шлюз, Диана возилась с системой запуска. Под ее руками пульт ожил, шлюпка дернулась, и двигатель заработал с легкой дрожью, отдавшейся по всему корпусу.

Стартовый толчок получился настолько резким, что меня бросило на пол. От удара внутри черепа загудело, а перед глазами вспыхнуло, словно в шлюпке взорвалась световая граната. Я затряс головой, не давая сознанию ускользнуть в неизвестном направлении. Последовал еще один толчок, чуть слабее первого, и включилась обзорная камера.

Шлюпку крутило, точно щепку в водовороте, и в поле зрения всплывали то зеленое светило, то казавшийся неподвижным «Денеб», напоминавший громадный наконечник копья, выброшенный в космос. Потом промелькнуло нечто большое, темное и круглое.

Компенсаторная система не справлялась с перегрузками, и я ощущал, что катаюсь на карусели, создатели которой забыли о том, что их аттракцион должен приносить радость.

Диана склонилась над пультом управления, лицо ее выглядело решительным.

– Сейчас выровню полет, – сказала она.

– Тебе помочь? – предложил я, хотя вряд ли в этот момент разобрался бы даже в устройстве перочинного ножа.

– Сама справлюсь. Тут все сделано очень просто, чтобы кто угодно смог управлять...

Разумно. Вдруг среди добравшихся до шлюпки не окажется не то что пилота, а просто умного и образованного человека?

– Вот так, – сказала она, когда болтанка и вращение прекратились. – Сейчас еще с камерами разберусь...

После некоторых манипуляций включился круговой обзор.

– Где этот чертов крейсер? – спросил я, пытаюсь найти среди сотен звезд одну, рукоятворную и смертоносную.

– А вон...

Вместе мы смотрели, как от маленькой яркой точки отделились еще несколько и помчались к лайнеру, огромному и беззащитному, словно аэростат.

– Нацеливайся на планету, – приказал я, самовольно взвалив на себя обязанности капитана. – И максимальную скорость...

– Он и нас собьет.

– Вряд ли. Оружие крейсера не рассчитано на то, чтобы гоняться за подобной мелочью... Разве что он несет на себе истребители.

Шлюпка дернулась. Лайнер начал потихоньку удаляться, а впереди, не прямо по курсу, а чуть левее, оказалась планета – темный круг, с одного из краев украшенный полумесяцем голубого огня.

Химават.

Вопреки ожиданиям, «Денеб» не взорвался. Мы заметили еще несколько стартовавших шлюпок – словно искры они отскакивали от массивного корпуса. Выпущенные же с зелаврианского корабля ракеты, приблизившись, замедлили ход и оказались вовсе не ракетами.

– Десантные боты, – прошептал я, глядя на то, как штуковина, похожая на громадный металлический ботинок, припечатывается к сверкающему борту лайнера.

– Они берут «Денеб» на abordаж. Но зачем?

– Вот уж не знаю. – Голос у меня не дрогнул, а даже если я и покраснел, то Диана, стоявшая спиной ко мне, этого видеть не могла. – Думать об этом будем потом, когда окажемся на планете...

– А сейчас о чем прикажешь думать? – фыркнула Диана.

– О том, как там оказаться. Желательно живыми, – ответил я. – Надо выяснить, что у нас есть и насколько эта штукавина, – я топнул, пол отозвался недовольным лязгом, – способна летать...

И мы занялись инвентаризацией. Само по себе это чудовищно прозаическое занятие не может спасти человеку жизнь, но способно дать представление о том, есть шансы на спасение или нет.

– Смотри, они уходят, – сказала Диана, когда я закончил тестировать систему жизнеобеспечения.

«Денеб» выглядел на наших экранах как светящийся шарик. От его поверхности отделились несколько точек меньшего размера и прыснули в стороны, словно согнанные с куска тухлого мяса мухи.

– Чего они... – Я не закончил фразу.

Яркий луч пронизал космос, отметина лайнера на мгновение стала больше, а потом пропала. Там, где только что находился громадный звездолет, не осталось ничего, кроме равнодушных звезд.

– Все... все... – сказала Диана изменившимся голосом. – Как? Они погибли?

– Да. – На душе было погано, словно я был виноват в том, что мгновение назад сотни людей превратились в пепел. – И мы ничего, ничего не могли сделать... Проклятые жабы!

– Это точно, – вздохнула она. – Хочется пальнуть в них из чего-то такого... этакого!

– Могу выдать парализатор, – предложил я. – Но главное, чтобы они в нас не пальнули или не догнали. Сколько еще до входа в атмосферу?

Диана глянула на пульт:

– Часа полтора...

Эти полтора часа мы провели в лихорадочной суете. Проверили все, начиная от запасов воды и заканчивая состоянием внешней оболочки. Окажись на ней малейшая неровность, мы вместе со шлюпкой просто сгорим при посадке.

И стоило ради такого удирать с «Денеба»?

Зелаврианский крейсер приблизился, стал ярче. Несколько раз он выпускал десантные боты. Те уходили куда-то в стороны, к невидимым для нас другим шлюпкам. Жабы искали меня с достойным восхищения упорством.

«Пегас-17» ускользнул от них. Около Новой Америки, где есть несколько военных баз, они не посмели высунуть носа. Но неведомый информатор с планеты сообщил им, что я сел на «Денеб». Догнать пассажирский лайнер для крейсера не проблема. Но на борту меня не оказалось. Убедившись в этом, зелаврианцы уничтожили его, чтобы скрыть следы, и принялись методично, одну за другой обыскивать успевшие стартовать шлюпки.

Такую бы энергию – да в мирных целях.

– Уф, успели, – выдохнул я, когда пропищал зуммер, извещая о том, что мы входим в верхние слои атмосферы. – Включай автопилот...

Обзорные экраны померкли, камеры спрятались под защитную оболочку. Нам предстояло пережить посадку в противоперегрузочных креслах. Автопилот сам должен отыскать ближайший кусок суши и опустить шлюпку на ровное место.

Кресло охотно приняло меня в ласковые, хоть и тесноватые объятия. Внутренности шлюпки погрузились в полутьму и тишину, чуть заметно светился пульт, слышалось ровное дыхание Дианы.

Потом нас начало трясти. Ощущение было такое, словно несколько великанов играли маленьким корабликом в баскетбол, что есть силы ударяя им об пол, подбрасывая повыше, сталкиваясь лбами около корзины.

Я почти слышал их азартное дыхание за бортом.

Несмотря на кресло, тряска была нестерпимой. Я чувствовал, как колотятся друг о друга кости, желудок трется о кишки, а печенька и селезенка пытаются поменяться местами. Казалось, что мой организм решил в спешном порядке трансформироваться в нечто более эволюционно совершенное.

Мощный удар заставил воздух с шумом вылететь из груди. Пытаясь прийти в себя, я не сразу сообразил, что нас больше не трясет, а шлюпка, похоже, стоит на месте.

– Как ты там? – спросил я, силясь выбраться из кресла. Это оказалось неожиданно трудной задачей.

– Жива, – отозвалась моя спутница. Лицо Дианы выглядело бледным, но взгляд оставался твердым.

– Для начала надо бы оглядеться. – Я потянулся к пульту.

Обзорные камеры включились не все, некоторые не пережили падения. Но уцелевшие показали настолько мало, что их можно было и не активировать. Одна продемонстрировала грунт, в который уперлась, другая – внутреннюю поверхность защитной оболочки, из-за которой не смогла выбраться, а третья – сплошную завесу зелени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.